

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему: Проблемы квалификации преступлений против собственности

Студент

Д.Н. Мединовская

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

О.Ю. Савельева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель программы

д-р юрид. наук, профессор, В.М. Корнуков _____

« _____ » _____ 2019 г.

Допустить к защите

Заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

к.ю.н., доцент С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 2019 г.

Тольятти 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Понятие и виды преступлений против собственности по российскому и зарубежному законодательству	6
1.1. История развития законодательства об ответственности за преступления против собственности	6
1.2. Понятие и виды преступлений против собственности по действующему российскому уголовному законодательству	15
1.3. Ответственность за преступления против собственности по зарубежному уголовному законодательству	24
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности	31
2.1. Объективные признаки	31
2.2. Субъективные признаки	53
Глава 3. Проблемы квалификации преступлений против собственности	67
3.1. Проблемы квалификации преступлений против собственности, связанных с хищением чужого имущества	67
3.2. Проблемы квалификации преступлений против собственности, не связанных с хищением чужого имущества	89
Заключение	108
Список используемой литературы и источников	116

Введение

Актуальность исследования. Актуальность данной темы в первую очередь связана с значимостью отношений собственности в жизнедеятельности современного общества. Право собственности является одним из важнейших и социально значимых прав, которое охраняется не только законодательством Российской Федерации, в том числе и уголовно-правовыми нормами, но и законодательством зарубежных стран.

Преступления против собственности являются самыми распространенными среди совершаемых преступлений в России, исходя из данных официальной статистики. Традиционно большую часть из них составляют хищения чужого имущества. Этим обуславливается возрастание значимости исследования проблематики, связанной с уголовной ответственностью за преступные посягательства на имущественные права и связанные с ними общественные отношения.

Степень разработанности темы. Преступления против собственности являются предметом изучения множества авторов, однако, зачастую они акцентируют внимание на квалификации отдельных разновидностей данных общественно опасных посягательств или делают упор на криминологическом анализе. Настоящая магистерская работа является продолжением исследований в области уголовно-правовой характеристики преступлений против собственности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, которые возникают при квалификации преступлений против собственности.

Предметом магистерской диссертации являются законодательные акты Российской Федерации, а также нормы зарубежного права, которые устанавливают ответственность за преступления против собственности, российские и зарубежные законодательные акты, а также нормы уголовно-процессуального законодательства.

Целью исследования выступает сравнительно исторический анализ института преступлений против собственности и выявление наиболее важных и проблемных вопросов, возникающих при квалификации данной группы преступлений.

Достижение поставленных целей обусловило постановку и решение следующих **задач**:

- анализ исторического материала по законодательству об ответственности за преступления против собственности;
- анализ ответственности за преступления против собственности по действующему законодательству Российской Федерации;
- анализ ответственности за преступления против собственности в соответствии с зарубежным законодательством;
- проведение уголовно-правового анализа преступлений против собственности а, именно объективных и субъективных признаков данной группы преступлений;
- анализ проблем квалификации преступлений против собственности, связанных с хищением чужого имущества;
- анализ проблем квалификации преступлений против собственности, не связанных с хищением чужого имущества.

Методологическую основу исследования составили различные общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез, дедукция, а также метод системного анализа. Также использовались такие часто-научные методы, как историко-юридический и сравнительно-правовой методы познания.

Научная новизна исследования определяется теми цели и задачами, которые были поставлены, а также заключается в том, что она представляет собой попытку урегулирования вопроса квалификации преступлений против собственности и отграничении данных преступлений от смежных составов.

Нормативно-правовую основу исследования составило советское и современное действующее законодательство РФ, а также зарубежные

уголовно-правовые нормы, устанавливающее ответственность за преступления против собственности.

Теоретическую основу исследования составили труды таких российских ученых по вопросам, касающимся квалификации преступлений против собственности, как А.В. Корнеева, А.В. Наумов, В.С. Чижевский, Р.Б. Осокин, И.Ф. Амелчаков, М.А. Мутасова, В.Н. Балябин, В.В. Кулешов, П.С. Яни, П.А. Пименов, А.Б. Борисов, М.В. Андрианов и др.

Структура исследования. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения, списка используемых источников и литературы.

Глава 1. Понятие и виды преступлений против собственности по российскому и зарубежному законодательству

1.1. История развития законодательства об ответственности за преступления против собственности

Для того, чтобы получить должное представление об уголовной политике в контексте противодействия преступлениям против собственности, необходимо обозначить историю развития российского законодательства, предусматривающего ответственность за данные преступления в различные исторические периоды.

Совершенно не случайно, что ответственность за разного рода противоправные посягательства на чужое имущество находила своё правовое закрепление в отечественном уголовном праве на всех этапах его развития, включая нормы законодательства Древней Руси.

В частности, подобные нормативные положения, регламентирующие привлечение виновных к ответственности за имущественные преступления содержатся в таких известных актах древнерусского права, как Новгородская и Псковская судная грамота.

«Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности определялась способами причинения вреда собственнику, формами хищения, местом совершения преступления, его предметом, а также в некоторых случаях - особенностями личности виновного, его сословной принадлежностью. Значение Новгородской судной грамоты для развития института уголовной ответственности за преступления против собственности состоит в том, что именно в ней впервые упоминается грабеж как преступление»¹ - отмечается специалистами.

¹ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. С. 13.

Следующий нормативный документ, который необходимо упомянуть в контексте анализа преступлений против собственности в истории отечественного уголовного права, это Русская правда², в рамках которого различным преступным деяниям, посягающим на собственность уделено значительное внимание.

В Русской правде нашли своё отражение такие преступления, как кража (именуемая древнерусским законодателем «татьба»), разбой, самовольное пользование чужим имуществом, поджог и т.д.

При этом, выделяются такие разновидности хищений, с соответствующей дифференциацией ответственности, как кража из закрытых помещений, кража лошадей, кража холопа, кража пчел и меда из бортных деревьев, кража бобров, кража морских и речных судов и т.д.

Г.И. Молев пишет: «Хищение княжеского имущества предполагало больший размер ответственности. Следует отметить, что корыстный мотив в преступлениях уже тогда считался отягчающим обстоятельством, кража рассматривалась только как умышленное преступление. Предусматривалась ответственность за групповые кражи скота, кража неохрряемого имущества наказывалась строже кражи из закрытого помещения»³.

В Судебнике 1497 г.⁴ и Судебнике 1550 г.⁵ перечень имущественных преступлений расширился, по сравнению в ранее действовавшим законодательством. Был сформулирован состав такого преступления, известного современному уголовному праву, как мошенничество. Также была произведена более подробная регламентация разбоя.

Очередным шагом в совершенствовании норм, предусматривающих ответственность за имущественные преступления, стало выделение квалифицирующих признаков, усиливающих ответственность.

² Русская Правда // Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. – М., 1998.

³ Молев Г.И. История становления уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Концепт. 2014. №27. С. 2.

⁴ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985.

⁵ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985.

«По Судебнику 1497 г. уголовная ответственность за преступления против собственности ставилась в зависимость от способа причинения вреда собственнику, формы хищения, места совершения преступления и множественности преступлений. Повторность как квалифицирующий признак кражи, влияла на дифференциацию уголовной ответственности виновных в ней лиц»⁶ - отмечают Ф.А. Мусаев и П.К. Федоренко.

Судебник 1550 г. по формам хищения выделял кражу, грабеж, разбой и мошенничество, что в достаточной степени созвучно современному подходу законодателя. Данному нормативному документу Судебника 1550 г. в большей мере соответствует проработка квалифицирующих признаков составов имущественных преступлений, способов и форм их совершения.

Отечественный законодатель прошлого проявляет дифференцированный подход к наказанию виновных в совершении корыстных и некорыстных посягательств на чужое имущество.

Также стоит отметить, что ответственность могла устанавливаться в зависимости от наличия или отсутствия неоднократности преступлений – так, если хищение было совершено виновным лицом впервые, оно влекло наказание в виде, так называемой «торговой казни» (ст. 55). В случае же, когда хищение было повторным, при наличии признания лицом своей вины, могла применяться смертная казнь. При отрицании вины и с учетом данных о личности виновного, он мог заключаться в тюрьму до смерти или передан «на крепкую поруку» (ст. 56).

Учёт данных о личности состоял в определении виновного, как «доброго», или же «лихого» человека. На это обращено внимание в ряде работ отечественных исследователей.⁷

⁶ Мусаев Ф.А., Федоренко П.К. Дифференциация ответственности за преступления против собственности в истории законодательства России до 1917 // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Сборник научных статей. Вып. 2. - Ярославль, 2007. С. 98.

⁷ Молев Г.И. История становления уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Концепт. 2014. №27. С. 3.

Следующим этапом в развитии отечественного уголовного законодательства стала подготовка первого систематизированного документа, именуемого Соборным Уложением 1649 г.⁸

Данный акт относил к числу имущественных преступлений ряд деяний, таких как: татьбу (простую и квалифицированную), разбой, грабеж (простой или квалифицированный), мошенничество, насильственное завладение чужим имуществом.

Происходит дальнейшая проработка квалифицирующих признаков составов имущественных преступлений.

В.А. Рогов, анализируя положения Соборного Уложения, пишет: «Так, в случае совершения в первый раз кражи из «государева двора» предусматривалось битье кнутом, за вторую такую кражу наказание дополнялось заточением в тюрьме на полгода. Третья кража влекла отсечение руки вору. Предусматривалось наказание за кражу оружия военнослужащим у военнослужащего (ст. 28), отсечением руки каралась совершенная ими кража лошади (ст. 29). Устанавливалась ответственность за попустительство, доноительство и укрывательство разбойников и татей (ст. 59-65, 77-81), посредством конфискации имущества виновных. Совершение обыкновенной кражи в первый раз влекло битье кнутом, урезание уха, два года тюрьмы и ссылку (кстати, первыми из преступников в XVII в. клеймению были подвергнуты именно воры). Вторая кража наказывалась битьем кнутом, урезанием уха и тюремным заключением на четыре года. В случае же совершения кражи в третий раз применялась смертная казнь»⁹.

Параллельно с положениями вышеназванного документа, применялись нормы Воинского Артикула Петра I (1715 г.)¹⁰, который стал своего рода Военно-уголовным кодексом.

⁸ Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. – М., 1985.

⁹ Рогов В.А. Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв. – М., 1990. С. 66.

¹⁰ Артикул воинский и Морской устав // Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. – М, 1986.

К ряду имущественных преступных деяний Воинский Артикул Петра I относил в первую очередь кражу и грабеж. «Квалифицированным считалось совершение кражи: из церкви; человека с целью его продажи; у господина или товарища; во время стихийных бедствий; казенного имущества; караульным; в четвертый раз; судов, потерпевших крушение; из разрытых могил; на сумму свыше 20 рублей»¹¹ - отмечается исследователями.

Как отмечается авторами, «одним из самых опасных преступлений, согласно закону, продолжал оставаться разбой (к разбойникам причисляли также укрывателей и недоносителей). В отличие от разбоя, грабеж охватывал вымогательство и самовольный захват имущества. Выделялись два вида грабежа: совершенный с оружием (наказуемый как разбой) и без оружия. Смертная казнь устанавливалась в обоих случаях - соответственно, через колесование или отсечение головы. Единственное исключение в применении смертной казни было сделано для офицера за присвоение излишнего жалования или провианта: в этом случае виновный подлежал «яко вор» либо смертной казни, либо ссылке на галеры (арт. 65)»¹².

В соответствии со Сводом законов уголовных, который вошёл в том 15 Свода законов Российской империи 1832 г., к ряду преступлений против собственности было отнесено: святотатство, разрытие могил с целью ограбления, похищение, расточение и утрата казенного имущества, разбой, зажигательство, мошенничество, кража, грабеж, подлог в имуществах.

Показательно, что преступлениям против казенного имущества законодателем уделено особое внимание, что обусловило выделение данной категории деяний в отдельный раздел, с установлением повышенной ответственности за них.

¹¹ Шестеро А.А. Воинский Артикул 1715 г. как памятник российского уголовного права // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных работ профессорско-преподавательского состава, членов студенческого научного общества при кафедре теории и истории государства и права. Вып. 3. - М., 2014. С. 40.

¹² Молев Г.И. История становления уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Концепт. 2014. №27. С. 4.

В следующем важном документе, обозначившем завершение систематизации законодательства дореволюционной России – Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г.¹³, категории «собственность» и «имущество» стали уже употребляться в качестве синонимов.

Как отмечается исследователями, «в Уложении присутствовали все основные составы, известные уголовному праву: кража, грабеж, разбой, присвоение, растрата, мошенничество в его различных видах, истребление и повреждение чужой собственности. Именно они с последующими изменениями и дополнениями, внесенными в их содержание в 1885 г., применялись весьма продолжительное время»¹⁴.

Несмотря на большую проработанность норм об ответственности за преступления против собственности, нельзя не обратить внимание на то, что им по-прежнему была свойственна казуистичность и архаичность.

Последующее развитие законодательной техники завершилось подготовкой нового нормативного документа – Уголовного уложения 1903 г.¹⁵

«Законодатель сконструировал не только общие составы умышленного и неосторожного некорыстного посягательства на собственность, но и значительное количество специальных составов, в которых отдельно ставились под охрану гидротехнические, водопроводные, газопроводные и нефтепроводные сооружения, линии электропередач, памятники культуры и т.п.»¹⁶ - резюмируется в некоторых работах, посвящённых исследуемой проблематике.

¹³ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Отечественное законодательство XI – XX веков. Ч. 1. XI – XIX века. – М., 1999.

¹⁴ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 18.

¹⁵ Уголовное уложение 1903 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – СПб., 1999.

¹⁶ Чиркова Ю.Б. Исторический аспект наказания за преступления против собственности // Молодежь, наука и цивилизация. Межвузовский сборник тезисов докладов адъюнктов (аспирантов), курсантов, слушателей и студентов: В 2-х частях. Ч. 1: Вып. 7. - Красноярск, 2004. С. 127.

Дальнейшее развитие отечественного уголовного законодательства происходило в условиях переход к советскому государству и праву, который обозначился после Октябрьской социалистической революции 1917 года. В данный период в числе приоритетов была провозглашена охрана социалистической собственности, что было отражено в ряде норм, предусматривающих ответственность за имущественные преступления в советском государстве.

Меры противодействия хищениям были обозначены в целом ряде нормативных актов.¹⁷ До момента создания нового кодифицированного акта, систематизирующего нормы об уголовной ответственности, в том числе за имущественные преступления, попытки обозначить такие положения предпринимались в ряде декретов. В частности, декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям»¹⁸ содержал ответственность за все разновидности хищений в виде лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах – в виде смертной казни.

Кодификация норм советского уголовного права была осуществлена уже в рамках Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.¹⁹

В данном кодексе предусматривалась отдельная глава, содержащая нормы об ответственности за имущественные преступления. В данной главе Уголовного кодекса получили своё нормативное закрепление «традиционные» посягательства на имущество, к которым отнесены: кража, грабеж, разбой, присвоение или растрата, мошенничество, вымогательство, шантаж, умышленное истребление или повреждение имущества.

¹⁷ Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. №4. Ст. 50; Декрет СНК РСФСР от 21.10.1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 - 1952 гг.). - М., 1953.

¹⁸ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.06.1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» // СУ РСФСР. 1921. №49. Ст. 262.

¹⁹ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. №15. Ст. 153.

Уровень законодательной техники, используемой при формулировании составов имущественных преступлений следует охарактеризовать, как достаточно высокий, что стало залогом дальнейшего поступательного развития данных норм.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.²⁰, сохранил в себе те тенденции, которые нашли своё отражение в Уголовном кодексе 1922 г. с незначительным снижением санкций за совершение преступлений против собственности, что нивелировалось с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.²¹ В рамках данного документа предписывалось применение высшей меры наказания за кражу кооперативного и колхозного имущества, а также за совершение хищения грузов на железнодорожном и водном транспорте.

После окончания Великой Отечественной войны указанные меры ответственности, ориентированные на военный период, утратили силу. Тем не менее, советский законодатель сохранил достаточно суровую ответственность за преступления против собственности и дифференцированный подход в зависимости от форм собственности.

«При этом разрыв между наказуемостью хищений социалистического имущества и преступлений против личной собственности граждан был сокращен путем резкого повышения санкций за последние»²² - отмечают исследователи.

В принятом в 1960 году новом Уголовном кодексе РСФСР²³ получили своё чёткое разграничение «Преступления против социалистической собственности» и «Преступления против личной собственности граждан», что подчёркивает жёсткость позиции советского государства относительно

²⁰ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. №80. Ст. 600.

²¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. №62. Ст. 360.

²² Молев Г.И. История становления уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Концепт. 2014. №27. С. 4.

²³ Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. №40. Ст. 591.

посягательств на так называемую социалистическую собственность, красноречивым свидетельством чего стало установление общественной опасности таких деяния выше, чем за посягательства против жизни и здоровья.

Новый виток реформ уголовного законодательства обозначился в контексте принятия новой Конституции СССР 1977 г.²⁴

«Приоритет социалистической собственности по сравнению с личной собственностью граждан, закрепленный на конституционном уровне, находил воплощение в охране этих форм собственности уголовным правом. Предусматривалась ответственность за более широкий круг преступлений. В частности, была установлена уголовная ответственность за такие виды преступлений, как хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением; хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах; причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием и некоторые другие. Аналогичные виды деяний, направленных против личной собственности граждан, не были криминализованы»²⁵ - резюмирует Г.В. Верина.

Закон РФ от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»²⁶ привёл к однозначному отказу дифференцировать ответственность за имущественные преступления по критерию формы собственности. Изменившийся принципиальный подход законодателя просматривается и в дальнейшем – в контексте формулирования норм об ответственности за

²⁴ «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. №41. Ст. 617.

²⁵ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 21.

²⁶ Федеральный закон от 01.07.1994 г. №10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 1994. №10. Ст. 1109.

преступления против собственности в новом постсоветском Уголовном кодексе российской Федерации 1996 г.

Далее представляется необходимым рассмотреть вопросы нормативной регламентации ответственности за преступления против собственности в нормах действующего уголовного законодательства российской Федерации.

1.2. Понятие и виды преступлений против собственности по действующему российскому уголовному законодательству

Современное уголовное законодательство Российской Федерации в качестве преступлений против собственности подразумевает включённые в главу 21 раздела VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ совершаемые умышленно или по неосторожности преступные деяния, связанные с противоправным нарушением права владения, или же с другими способами причинения собственнику имущественного ущерба, или с созданием угрозы причинения такого ущерба.

Сама категория собственности имеет многогранную природу, обусловленную тем, что соединяет в себе философское, экономическое и правовое начало.

Понятие «собственность», как полагают учёные, стало применяться до того, как возникла экономика и право в качестве отраслей научного знания. Данная категория нашла своё отражение уже в Римском праве, определившем её на основе отношений владения, пользования и распоряжения.²⁷

Совершенно справедливо многие исследователи заключают, что «выход отношений собственности на передний план научной мысли неслучаен. Вместе с дальнейшим развитием общественного производства и появлением все новых форм предпринимательской деятельности

²⁷ Селедникова О.Н. Понятие, содержание и конституционно-правовые основы защиты права собственности в уголовном судопроизводстве: Монография. - Брянск: Ладомир, 2012. С. 17.

собственность приобретает большую значимость в своем экономическом аспекте».²⁸

Как отмечается рядом специалистов, категория «собственность» является одним из наиболее значимых институтов, связанных с современной организации общественной и частной жизнью.

В повседневной лексике рассматриваемое понятие охарактеризовывает отношение индивида к той или иной вещи, а также охарактеризовывает правовой статус этой вещи.

«Собственность – это отношение, которое определяет возможности лица по использованию стоимостных параметров вещи. Например, добыча и переработка природных ресурсов лицом приводит к возникновению предметов потребления, во-первых, неразрывно связанных с отношением по поводу присвоения имущества, что означает невозможность присвоения этих же предметов другим лицом, и, во-вторых, столь же непрерывно связанных с несением затрат на их содержание»²⁹ - следует из позиции экономической науки.

Другими словами, исходя из сказанного выше, категория «собственность» обозначает определённую степень власти над вещью со стороны кого-либо, а также связанное с этим отношение по вопросу осуществления затрат, которые обусловлены властью над вещью.

Е.С. Зрилова пишет: «Экономическое содержание собственности как объекта преступления образуют отношения присвоения (для собственника) и отношения хозяйственного использования имущества (для иного владельца). Правовое содержание собственности составляют правомочия собственника, предоставленные ему законом»³⁰.

²⁸ Павловских Д.В. Конституционное право на частную собственность: понятие, гарантии // Конституция Российской Федерации: 20 лет на страже конституционных прав и свобод граждан: Международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербург, 12-13 декабря 2013 г. - СПб., 2013. С. 160.

²⁹ Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения. – М.: Статут, 2014. С. 21.

³⁰ Зрилова Е.С. Правовые институты регулирования экономических отношений собственности // Право и экономика. 2010. №2. С. 32.

С позиций философской науки категория собственности познаётся благодаря проведению противопоставления между собственником и другими лицами – «свое» и «чужое».

Дефиниция «собственность» в отечественном праве восходит к понятию «доминиум» (от лат. «владение»), возникшему в римском праве. Современная юридическая наука и законодательство содержат квинтэссенцию всех плоскостей понимания категории собственности – и философской, и экономической, и правовой.

«Наиболее всеобъемлющим (с правовых позиций) определением собственности на сегодняшний день является её понимание как максимально полного права (осуществления власти) на свое имущество»³¹ - считает А.А. Саурин.

Стоит достаточно чётко разграничивать юридические и экономические грани содержания понятия «собственность».

В наиболее традиционном понимании, категория собственность истолковывается как правовая категория, отражающая нормативное регулирование имущественных отношений, регламентирующих количественную и качественную сторону принадлежности чего-либо кому-либо.

«Экономическое содержание собственности приобретало значимость по мере развития общественного производства и появления все новых форм предпринимательской деятельности»³² - пишут специалисты.

Отечественное правопонимание, в большинстве случаев, исходит из определения категории собственности посредством общественных отношений особого рода.

³¹ Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения. – М.: Статут, 2014. С. 23.

³² Зрилова Е.С. Правовые институты регулирования экономических отношений собственности // Право и экономика. 2010. №2. С. 33.

По мнению Г.Т. Абдрахмановой, собственность составляет комплекс отношений, как отдельных индивидов, так и групп, включая государство, в контексте материальных благ³³.

Именно через принятие и последующую реализацию нормативных предписаний государство формирует допустимые пределы действий субъектов относительно владения, пользования и распоряжения определёнными материальными благами. Подобное мнение приводится в некоторых работах³⁴.

Базисом института права собственности являются конституционные принципы, которые базируются на нормах, имеющих международно-правовой характер.

Действительно, право собственности, будучи одним из фундаментальных прав человека, находит своё воплощение в комплексе действующих международных актов: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права» (ст. 1) – гласит Протокол №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1952 г.³⁵

О важности защиты отношений собственности говорит включение их в текст основного закона страны. Право собственности находит прямое и непосредственное нормативное закрепление в целом ряде конституционно-правовых норм. В ст. 8 Конституции Российской Федерации говорится о том, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом

³³ Абдрахманова Г.Т. Вопросы социально-экономического характера конституционного закрепления права собственности // Проблемы права. 2010. №1. С. 93.

³⁴ Веснин В.Р. Собственность с позиции единства правового и экономического подходов // Вопросы экономики и права. 2014. №1. С. 19.

³⁵ «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (вместе с «Протоколом [№1]») (Подписан в г. Париже 20.03.1952 г.), «Протоколом №4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963 г.), «Протоколом №7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.) // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.

частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности»³⁶ (ч. 2 ст. 8).

В этой связи очевидно, что в рамках уголовно-правовой охраны, «конкретные формы собственности самостоятельного уголовно-правового значения для квалификации преступлений не имеют. Однако, именно они выступают непосредственным объектом преступлений против собственности»³⁷.

Действующая Конституция Российской Федерации не только содержит закрепление частной собственности в качестве одной из важнейших основ конституционного строя нашего государства, но и интегрирует возможность обладания частной собственностью в комплекс основных прав и свобод человека и гражданина.

«Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения» - обозначено в ч. 2 и ч. 3 ст. 35 Конституции РФ.

Есть мнение, что «такая формулировка о признании и защите со стороны государства, позволяет сделать вывод о наличии в Конституции РФ доктрины естественного права и о признании в качестве такового права собственности»³⁸.

Не взирая на лаконичность конституционных положений, касающихся права собственности, они образуют прочный фундамент для детализации этих норм в целом ряде отраслей права: гражданского, коммерческого, предпринимательского и др.

³⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

³⁷ Кочои С.М. Преступления против собственности: учебное пособие для магистрантов. – М.: Проспект, 2014. С. 7.

³⁸ Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения. – М.: Статут, 2014. С. 25.

В соответствии с позицией законодателя, выраженной в ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации³⁹ (ГК РФ) в содержание права собственности входит ряд правомочий: право владения, пользования и распоряжения.

«Право владения - это возможность иметь имущество, право пользования - возможность получать от имущества пользу, использовать, а право распоряжения - это возможность определять судьбу имущества»⁴⁰ - верно отмечено в одной из работ, посвящённых анализируемым нами вопросам.

Полный перечень обозначенных правомочий собственности принадлежит только собственнику. В урезанном варианте отдельные правомочия могут иметься у другого законного владельца имущества. Однако, отсутствие полного перечня правомочий права собственности не лишает законного владельца законодательной защиты – напротив, такая защита предоставляется при наличии законного владения каким-либо имуществом.

Таким образом, противоправное посягательство на отношения собственности в любом качестве - как экономической, так и правовой категории – образует состав уголовно-наказуемого деяния. То есть, нельзя, причиняя ущерб отношениям собственности, как экономической категории, не причинить вреда отношениям собственности, как категории правовой.

Следует отметить, что отношения собственности в качестве объекта преступного посягательства, выступают не только когда идёт речь о совершении деяний, включённых законодателем в главу 21 УК РФ. В составах иных противоправных посягательств (например, ст. 211, 221, 226, 229, 243, 261, 325 УК РФ) отношения собственности нередко фигурируют в качестве дополнительного объекта. Но подобные противоправные

³⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

⁴⁰ Карпунина И.В. Владение как правомочие собственности и его содержание // Место и роль юридической науки в модернизации экономики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - Чебоксары, 2010. С. 279.

посягательства не трактуются с точки зрения науки и практики, как преступления против собственности в связи с тем, что в этих случаях (основным) непосредственным объектом преступного посягательства выступают иные охраняемые государством блага.

Что касается классификации преступлений против собственности, то она традиционно ставится в зависимость от классифицирующего критерия.

Одним из значимых критериев, наиболее часто используемых в научных работах, посвящённых исследованию преступлений против собственности, является такой критерий, как наличие признаков хищения, что позволяет нам выделить:

- хищения (кража (ст. 158, 158.1 УК РФ), мошенничество (ст. 159, 159.1-159.6), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), грабёж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ));

- иные преступления против собственности (вымогательство (ст. 163 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ)).

В связи с тем, что во многих составах преступных посягательств, помещённых законодателем в гл. 21 УК РФ, фигурирует указание на корыстную цель, как обязательный признак состава преступления, то её также можно рассматривать в виде классифицирующего критерия. В результате мы имеем возможность классифицировать преступления против собственности на корыстные и некорыстные.

Исходя из такой классификации корыстные преступления против собственности можно подразделить на:

- хищения (ст. 158-162, 164 УК РФ);

- деяния, которые не содержат признаков хищения (ст. 163 и 165 УК РФ).

Хищения, исходя из способа совершения противоправного деяния, можно подразделить на отдельные формы (кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой), а по размеру — на виды (причинившие значительный ущерб гражданину, в крупном размере, в особо крупном размере, а также предметов, имеющих особую ценность).

К некорыстным преступлениям против собственности относятся составы преступлений, закреплённые в ст. 166-168 УК РФ, а именно:

- «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» (ст. 166 УК РФ);

- «Умышленное уничтожение или повреждение имущества» (ст. 167 УК РФ);

- «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» (ст. 168 УК РФ).

Также, в качестве ещё одного классифицирующего критерия можно использовать использование насилия. В таком случае, преступления против собственности можно разделить на насильственные:

- насильственный грабёж, предусмотренный п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ;

- разбой – ст. 162 УК РФ;

- вымогательство, предусмотренное п. «в» ч. 2 и 3 ст. 163 УК РФ;

- хищение предметов, имеющих особую ценность, предусмотренное ст. 164 УК РФ, совершённое с применением насилия;

- неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, предусмотренное п. «в» ч. 2 и ч. 4 ст. 166 УК РФ.

Ненасильственными преступными деяниями против собственности будут являться:

- кража (ст. 158, 158.1 УК РФ);

- мошенничество (ст. 159, 159.1-159.6 УК РФ);

- присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ);
- грабеж без применения насилия (ст. 161 УК РФ);
- вымогательство без применения насилия (ст. 163 УК РФ);
- хищение предметов, имеющих особую ценность, без применения насилия (ст. 164 УК РФ);
- причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ);
- неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения при отсутствии насилия (ст. 166 УК РФ);
- умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ);
- уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

Для решения ряда научно-познавательных или узко-практических задач, помимо обозначенных основных подходов к классификации преступлений против собственности могут использоваться и иные. В частности, в соответствии с положениями ст. 15 УК РФ, содержащей категоризацию преступлений, преступные деяния против собственности, в зависимости от характера и степени общественной опасности, можно разделять на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления.

В зависимости от формы вины, можно выделить умышленные преступления против собственности и неосторожные.

По субъекту преступления, в контексте классификации преступлений против собственности, в науке выделяют: «преступления против собственности, субъектом которых может являться лицо, достигшее возраста 14 лет; преступления против собственности, субъектом которых может являться лицо, достигшее возраста 16 лет; преступления против

собственности, субъектом которых может являться лицо, обладающее признаками специального субъекта»⁴¹.

По особенностям конструкции состава преступления, можно выделить преступления против собственности с материальным составом и преступления против собственности с формальным составом.

Положения, включённые федеральным законодателем в содержание гл. 21 УК РФ, как представляется, призваны в должной степени обеспечить надёжную защиту собственности, рассматриваемой в качестве материального базиса существования и функционирования современного социума. Отношения собственности обеспечивают поддержание необходимого уровня здоровья, образования, жилья, условий труда населения, через призму интересов личности.

1.3. Ответственность за преступления против собственности по зарубежному уголовному законодательству

В зарубежной уголовно-правовой доктрине подходы к пониманию преступлений против собственности имеют определённую специфику, сравнительно с российским законодательным регулированием.

Тем не менее, необходимость обращения к положениям зарубежного законодательства в контексте регулирования тех, или иных вопросов, обусловлена поиском возможных путей совершенствования внутригосударственного законодательства с опорой на опыт зарубежной законодательной и правоприменительной практики.

Установление уголовной ответственности за преступления против собственности в общем и хищения в частности имеет место в уголовном

⁴¹ Рыбакова Е.Ф. Преступления в сфере экономической деятельности, как деяния, посягающие на собственность (классификация и юридический анализ) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №4. С. 133.

законодательстве подавляющего большинства зарубежных стран, на что обращается внимание в работах зарубежных авторов⁴².

На основе анализа норм уголовного законодательства ряда зарубежных государств, включая страны ближнего и дальнего зарубежья, можно констатировать, что любые правовые системы предусматривают те, или иные меры уголовно-правового противодействия совершению преступлений против собственности.

Нельзя не отметить наличие множества сходных аспектов в определении признаков хищения в УК РФ и УК ряда государств-участников СНГ. В частности, раздел VIII Уголовного кодекса Республики Беларусь⁴³ включает в себя главу 24 «Преступления против собственности», в рамках которой изложены примечания, содержащие понятие хищения и его разновидности.

Следует согласиться с В.П. Щербаковым, который считает, что относительно действующего УК РФ, в УК Республики Беларусь «явно излишне воспроизведена форма вины. Поскольку, безусловно, неосторожного похищения не может быть»⁴⁴. А также с тем, «что вполне оправдано использование белорусским законодателем унифицированного понятия «завладеть», характеризующего содеянное похитителем»⁴⁵.

Представляется интересным решение законодателя Республики Беларусь относительно нормативного определения способов совершения хищения. К числу таковых, сверх тех, что известны УК РФ, в УК Республики Беларусь обозначены вымогательство, злоупотребление служебными

⁴² Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010; John P. Punishment Decisions at Conviction. New York, 2005; Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015; William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011; William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.

⁴³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. №275-3 // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984

⁴⁴ Щербаков В.П. Уголовная ответственность за хищения в законодательстве зарубежных государств: вопросы уголовно-правовой теории и проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2017. №4. С. 153.

⁴⁵ Там же. С. 154.

полномочиями и использование компьютерной техники при совершении хищения.

УК Республики Беларусь подобным УК РФ образом толкует содержание категорий кража (ч. 1 ст. 205) и грабеж (ч. 1 ст. 206). Примечательно, что белорусский законодатель не оперирует понятием «насильственный грабеж» УК РБ вообще не упоминается.

Регламентируя состав мошенничества, белорусский законодатель пользуется категорией «завладение» имуществом и таким образом фиксирует момент окончания мошенничества, как формы хищения чужого имущества.

В тексте УК РБ, как и в УК РФ, обозначены два способа мошенничества (обман или злоупотребление доверием), но эти категории не раскрываются в нормах УК РБ.

Определение хищения, сформулированное в п. 17 ст. 3 УК Республики Казахстан, в полной мере созвучно отечественному определению хищения, сформулированному в Примечании 1 к ст. 158 УК РФ.

Что касается Уголовного кодекса Азербайджанской Республики⁴⁶, то в нормах главы 23 «Преступления против собственности» данного нормативно-правового документа не содержится определения понятия «хищение», хотя если исходить из содержания нормативных конструкций составов хищений, закреплённых в УК АР, становится очевидным сходство соответствующей терминологий с УК РФ.

В качестве особенности норм УК АР, касающихся преступлений против собственности, можно указать наличие отдельного состава преступления против собственности, устанавливающего уголовно-правовой запрет на нарушение права собственности, использования или аренды на землю (ст. 188).

Думается, что наличие подобной нормы в составе главы 23 данного нормативного документа оправдано, поскольку в настоящее время, в отличие

⁴⁶ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. №787-IQ // URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353

от советского периода, в современных экономико-правовых условиях земля является предметом права собственности.

Далее обратимся к положениям уголовного законодательства стран дальнего зарубежья.

В соответствии с нормами УК Франции 1992 г.⁴⁷ под близким к понятию хищения определением кражи в ст. 3111 признается обманное изъятие вещи другого лица. К краже законодателем в ст. 3112 отнесено содеянное в виде обманного изъятия энергии в ущерб потерпевшему.

Как отмечается в литературе, «очевидно, французский законодатель фактически имеет лишь обманное изъятие чужого имущества, включая в само понятие обмана значительно больше, в сравнении с российскими коллегами»⁴⁸.

«На основании положений книги III, входящей в раздел I главой III «О мошенничестве и примыкающих к нему деяниях»: мошенничество — это обман физического или юридического лица, который совершен при использовании ложного имени, должности или положения. Кроме общего состава французский законодатель воспроизводит в тексте УК Франции также специальные составы преступлений, однако, имеющие некоторые особенности. Так, французский законодатель выделяет в статье 314-1 состав «Злоупотребление доверием», который представляет хищение денежных средств, материальных ценностей или иного вверенного имущества потерпевшего. Вследствие того, что фактически «злоупотребление доверием» непосредственно является уголовным проступком, оно наказываемым исправительным тюремным заключением до десяти лет и денежным штрафом»⁴⁹ - пишут исследователи.

В УК ФРГ⁵⁰ не содержится понятие хищения, но достаточно близким к нему является определение понятия кражи, сформулированное немецкими

⁴⁷ Уголовный кодекс Франции от 22.07.1992 г. Перевод с французского. - СПб., 2002.

⁴⁸ Крылова Н.Е. Основные черты Уголовного кодекса Франции. - М., 1996. С. 25.

⁴⁹ Крылова Н.Е. Основные черты Уголовного кодекса Франции. - М., 1996. С. 26.

⁵⁰ Уголовный кодекс ФРГ от 15.05.1871 г. Перевод с немецкого. - СПб., 2003.

законодателем в § 242 УК ФРГ. Под кражей понимается «содеянное в виде завладения чужой движимой вещью с намерением незаконного присвоения или обращения в пользу третьего лица»⁵¹.

В Уголовном кодексе Швейцарии от 21.12.1937 г.⁵² в разделе II Особенной части «Преступления против имущества» законодатель также не формулирует понятие хищения. Наряду с этим близким по фактическому содержанию к нему является в ст. 137 определение «Незаконное завладение».

«Законодатель Швейцарии вкладывает в категорию «присвоение» более широкий смысл, чем российский законодатель»⁵³ - считают учёные.

Р.Б. Осокин считает: «Особенность британского законодательства является неиспользование кодифицированного акта. Хотя и законодатель вообще не предусматривает уголовную ответственность за мошенничество, его виды фактически представлены обманными имущественными преступлениями. К данным имущественным преступлениям им отнесены деяния, содеянные обманными действиями: во-первых, полученные имущественные ценности; во-вторых, полученные трансфертные деньги; в-третьих, полученная имущественная выгода; в-четвертых, полученные услуги; в-пятых, уклонение от уплаты долга; в-шестых, уклонение от оплаты»⁵⁴.

Что касается Соединённых Штатов Америки, то ряд сходных по своей сущности преступных посягательств на собственность в нормативных документах США соединены единым понятием хищения (theft). Подобный ориентир присутствовал в Примерном УК и он был интегрирован в большую

⁵¹ Щербаков В.П. Уголовная ответственность за хищения в законодательстве зарубежных государств: вопросы уголовно-правовой теории и проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2017. №4. С. 155.

⁵² Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 г. Перевод с немецкого. – СПб., 2002.

⁵³ Николаев К.Д. Ответственность за хищения при отягчающих обстоятельствах по Уголовному кодексу Швейцарии и Уголовному кодексу Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения. Материалы международной научно-практической конференции (г. Омск, 14 февраля 2008 г.) - Омск, 2008. С. 105.

⁵⁴ Осокин Р.Б. Опыт уголовно-правового противодействия преступлениям против общественной собственности в Великобритании // Общественная безопасность как уголовно-правовая и криминологическая категория: материалы Международной научно-практической конференции. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 147.

часть кодексов штатов. В наибольшей мере, как отмечается в публикациях, это было реализовано в УК штата Калифорния, где были соединены в одной категории три вида хищения - кража, присвоение и мошенничество (пар. 484 УК). В Уголовном кодексе штата Нью-Йорк, несмотря на то, что ведётся речь о краже, по факту подразумеваются различные способы осуществления хищения: кража, присвоение, мошенничество и вымогательство (пар. 155.05 УК)

В качестве одной из особенностей конструирования составов хищений в уголовном законодательстве США, по сравнению с российским, является отсутствие внятного и чёткого разграничения категорий «грабеж» и «разбой». В уголовном праве США эти категории «слиты» воедино в собирательном понятии «robbery», которое традиционно толкуется как хищение имущества, совершаемое непосредственно у потерпевшего или в его присутствии путем насилия или внушения страха. (пар. 222.1 Примерного УК США).

В главу 5 Особенной части УК Китайской народной республики⁵⁵ входит 14 составов преступлений против собственности (ст. 263-276). Кроме кражи, в ст. 264 выделяется также и три вида грабежа. Наряду с «открытым хищением», с восемью квалифицирующими признаками в ст. 263, 267, в ст. 268 УК КНР предусматривается ответственность за грабеж, совершенный группой.

Сравнительно-правовой анализ различных уголовно наказуемых деяний, образующих составы хищений, что находят своё отражение в нормах уголовного законодательства зарубежных стран, позволяет сделать вывод о том, что, во многом, данные правовые предписания казуистичны.

При этом, с учётом общих «советских» истоков у законодательства Российской Федерации и законодательства стран СНГ, нельзя не заметить сходность многих положений, касающихся преступлений против

⁵⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 г. Перевод с китайского. – М., 2014.

собственности, а также общего созвучия данных норм, несмотря на частные отличия.

Что же касается законодательства стран дальнего зарубежья, различия с отечественным нормативным подходом в определении уголовно-правовых составов преступлений против собственности значительно, что, однако, не лишает исследование данных нормативных положений уголовного законодательства академического и практического значения.

Глава 2. Уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности

2.1. Объективные признаки

В качестве объекта преступного посягательства выступает некая совокупность общественных отношений, которые государство берёт под охрану уголовно-правовыми средствами.

Как пишет А.И. Рагог, «относительно уголовного права, общественные отношения являются первичной категорией, они объективны по своей природе и не находятся в зависимости от сознания людей. Именно такими мы их рассматриваем применительно к совершённому преступному посягательству, которое посягает на объективно существующий объект».⁵⁶

Преступное посягательство всегда осуществляется вразрез с существующим нормальным порядком возникновения и развития соответствующих общественных отношений. Посягательство же сопряжено с их уничтожением, нарушением или изменением. Какое-либо деяние не может пониматься как преступление, если оно не посягает на общественные отношения.

Таким образом, можно резюмировать, что объектом преступного посягательства являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым посягательство виновного лица причиняет вред или же создаёт реальную угрозу причинения такого вреда. Под общественными отношениями в данном контексте понимаются отношения, находящиеся под охраной государства (с помощью норм права) и самого общества (с помощью норм морали), складывающиеся между членами общества в процессе их совместной жизнедеятельности.

⁵⁶ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Рагога А.И. - М., 2000. С. 174.

Объектом, на которые посягают деяния, ответственность за которые предусмотрена главой 21 УК РФ, являются отношения собственности.

Все виды собственности (частная, государственная, муниципальная и др.) находятся в равной степени под защитой государства, что подчёркивается в ст. 8 Конституции РФ.

В соответствии с нормами ГК РФ, «имущество может находиться в собственности граждан и юридических лиц, а также Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» (ч. 2 ст. 212 ГК РФ).

Соответственно, как физические, так и юридические лица могут быть собственниками какого-либо имущества, которое принадлежит данным субъектам. В данном правовом качестве, граждане и организации могут быть собственниками любой категории имущества, включая недвижимое имущество, производственное оборудование, автотранспортные средства и т.д. Объектом права собственности граждан и организаций не является только то имущество, которое на основании законодательства изъято из гражданского оборота, так как оно составляет объект исключительной собственности государства.

Любое ненасильственное хищение чужого имущества, вместе с посягательством на отношения собственности, также «автоматически» посягает на правовую форму этих отношений, а именно на право собственности, которое является также частью объектной сферы уголовно-правовой охраны различных форм хищений.

«Экономико-социальная категория собственности материализуется в вещах и неразрывно с ними связана».⁵⁷ Соответственно, право собственности следует рассматривать как вещное право. В этой связи, хищение является преступлением «предметным», или «имущественными».

⁵⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2013. С. 371.

Совершение хищения виновным лицом может быть сопряжено с одновременным посягательством и на какие-либо дополнительные объекты преступления. В частности, при краже, совершённой путём проникновения в жилище гражданина, что квалифицируется по ч. 3 ст. 158 УК РФ, дополнительным объектом посягательства выступают общественные отношения, которые обеспечивают в обществе неприкосновенность частной жизни лица, неприкосновенность личной, или же семейной тайны данного лица.

Для любых преступлений против собственности обязательно наличие предмета посягательства. В качестве такового, в соответствии с законом, можно рассматривать какое-либо имущество. К таковому ст. 128 ГК РФ относит вещи, в том числе денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права (то есть субъективные права участников правоотношений, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с теми имущественными требованиями, которые возникают между участниками гражданского оборота по поводу распределения этого имущества и обмена).

Как верно подчёркивается в науке, «имущество, на которое осуществляется посягательство при совершении преступлений против собственности, может относиться как к категории движимого, так и недвижимого имущества».⁵⁸

Российское гражданское право, в частности, к недвижимому имуществу относит: земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все то, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (в том числе леса, здания и сооружения). Вещи же, не относящиеся к недвижимости,

⁵⁸ Бакрадзе А.А. О предмете хищения // Российский следователь. 2008. №22. С. 9.

включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом (ст. 130 ГК РФ).⁵⁹

В качестве предметов рассматриваемой категории преступлений могут выступать только те разновидности, которые имеют овеществлённую форму, по этой причине не являются, в частности, предметом хищения интеллектуальная собственность, компьютерная информация, виды энергии, которые лишены вещной формы.

Похищаемое виновным имущество должно иметь определённую материальную ценность; к созданию такого имущества должен быть приложен труд. Предмет хищения может составлять только то имущество, которое обладает материальной ценностью, что предполагает его предназначение для удовлетворения потребностей индивида и стоимость имущества, которая будет достаточна для определения преступного характера посягательства.⁶⁰

Здесь заметим, что по критерию «особая ценность», выделен отдельный состав хищения (ст. 164 УК РФ). Данный критерий понимается как наличие у похищаемых предметов или документов особой исторической, научной, художественной или культурной ценности. То есть, предмет преступления здесь выступает в качестве составообразующего основания.

Нельзя рассматривать как предмет преступления против собственности те вещи, которые со временем, в процессе эксплуатации, фактически утратили материальную ценность, или же «дары природы», возникновение которых не связано с вложением трудозатрат человека. Последний из обозначенных аспектов играет важную роль для отграничения хищения от некоторых экологических преступлений.

Однако, здесь могут быть нюансы: например, образует состав хищения незаконное обращение в свою собственность продуктов природы, которые

⁵⁹ Кочои С.М. Преступления против собственности (комментарий главы 21 УК РФ). - М.: Проспект, 2001. С. 3.

⁶⁰ Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. – М.: РИОР, ИНФРА-М, 2015. С. 397-398.

извлечены из естественной среды вложением труда – хищение рыбы, выловленной на законных основаниях каким-либо рыболовецким предприятием.

В связи с отсутствием экономического признака предмета хищения также нельзя рассматривать «в качестве имущества документы неимущественного характера, а также документы, которые не являются носителями стоимости, но лишь предоставляют право на получение имущества (доверенность, накладная, квитанция и т.д.)».⁶¹

Неправомерное изъятие подобного документа с целью дальнейшего использования для неправомерного получения по нему чужого имущества является приготовлением к мошенничеству.

Наиболее часто предметом преступлений против собственности выступает движимое имущество, хищение которого осуществить гораздо проще. Правоприменительная практика работы правоохранительных органов говорит о том, что наиболее типичными предметами преступления в данном ключе являются наличные денежные средства, различные ювелирные изделия, бытовая техника, компьютерная техника, мобильные телефоны и смартфоны, меховые головные уборы и т.д. Это объясняется тем, что виновному лицу проще всего завладеть малогабаритным и, при этом, достаточно ценным предметом, не прикладывая значительных усилий и не осуществляя сложных подготовительных действий для совершения преступления.

Также, как указывается в научных публикациях, виновный может легко спрятать похищенное под одежду, в ручную кладь и скрыться с места совершения хищения не привлекая внимания возможных свидетелей.⁶²

⁶¹ Сердюк П.Л. К вопросу о понятии предмета хищения при мошенничестве // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы V Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 25-26 апреля 2013 года: в VI ч. Ч. IV. - Уфа, 2013. С. 57.

⁶² Долинин В.Н., Рачев Н.В. Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности: учеб.- метод. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России. 2002. С. 25.

Сказанное характерно для таких форм хищений, как кража, грабёж, разбой.

Что касается предмета преступления при совершении мошенничества, то он может обладать определённой спецификой, понимание которой необходимо для правильной квалификации деяния и отграничения его от смежных составов преступлений.

Предметом мошенничества может выступать как само имущество, так и право на него. Относительно недавно выделенные из общей категории мошенничества отдельные его виды, сформулированные законодателем в ст. 159.1-159.6 УК РФ, предполагают определённую специфику предмета посягательства.

При мошенничестве в сфере кредитования, предметом посягательства выступают кредитные денежные средства; при мошенничестве при получении выплат предметом являются соответствующие социальные выплаты в виде пособий, компенсаций, субсидий и т.д.; при мошенничестве с использованием платёжных карт предметом являются безналичные денежные средства, находящиеся на счёте; при мошенничестве в сфере страхования – страховая выплата и т.д.

В ряде случаев ошибки правоприменения при квалификации специальных видов мошенничества связаны с недостатками юридической техники, допущенными при создании самих специальных норм, а также ошибочным пониманием предмета хищения практическими сотрудниками. При этом, многие авторы подчёркивают неоднозначность толкования предмета подобных посягательств и необходимость его большей конкретизации в рамках действующего УК РФ в целях устранения двойного толкования.⁶³

⁶³ Болдырев В.А., Вишнякова Н.В., Кузнецов А.А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2015. №3. С. 112.

Что касается объективной стороны, то деяние при хищении заключается в изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Один из значимых признаков совершения хищения состоит в противоречащем праву перемещении вещи из владения потерпевшего в противоправное обладание виновного. По этой причине нельзя говорить о хищении в тех случаях, в которых отсутствует противоправное нарушение чужого владения.

Не образует состава преступления против собственности обращение имущества, которым собственник в силу объективных причин уже перестал обладать. Например, в результате воздействия природной стихии, в результате потери имущества собственником ввиду невнимательности или небрежности. Такое имущество находится в безнадзорном состоянии.

Однако, нельзя отнести какое-либо имущество к безнадзорному, если оно находится в сфере хозяйственной деятельности организации, или же оставлено лицом в соответствующем месте (вещи на пляже, когда хозяин отошёл, чтобы искупаться, велосипед в специально отведённом для парковки месте у магазина и т.д.).

Соответственно, для правильной квалификации важно определить, те основания, которые обусловили фактическое обладание имущества виновным: было ли имущество изъято без ведома потерпевшего, или же виновный получил имущество в своё владение с его ведома? Незаконное распоряжение чужим имуществом, но находящимся в правомерном владении, может создавать такой состав ненасильственного хищения, как присвоение или растрату.

Подобные действия, безусловно, противоречат предусмотренным законодательством способам приобретения имущественных прав (т.е. является противоправным) и не сопровождается заменой похищаемого имущества его полноценным эквивалентом (т.е. является безвозмездным).

К обязательным признакам объективной стороны хищений, которые составляют большую часть преступлений против собственности главы 21 УК РФ, относится также способ совершения хищения. Способ имеет ключевое значение, поскольку выделение отдельных форм хищений в нормах УК РФ произведено именно в зависимости от противоправного способа совершения, который у каждой формы хищения свой.

Кража характеризуется тайным способом хищения имущества, а ненасильственный грабёж и разбой, напротив, открытым способом.

Сущностная сторона тайности совершения хищения как объективно, так и субъективно состоит в том, что виновное лицо старается избежать любого видимого контакта с собственником или правообладателем, а также любым посторонним лицом, которое могло бы осознавать противоправность осуществляемого посягательства, создать препятствия для совершения преступления или же, в дальнейшем, изобличить преступника как очевидец.

Тайный способ является наименее общественно-опасным. Данный способ не предполагает применения насилия, не сопряжён с использованием служебных полномочий или обмана, как способа завладения имуществом. Преступник тайно, незаметно для иных людей, изымает чужое имущество против и вопреки желанию потерпевшего, переводит похищенные предметы в своё незаконное обладание.

При квалификации хищения, как кражи или грабежа, при определении, совершалось ли деяние тайно, не считая, соучастников преступления, если хищение было совершено группой лиц, или наоборот – открыто и явно, со всей очевидностью для посторонних, правоприменителем учитываются объективные и субъективные критерии оценки.

Объективный критерий оценки способа хищения как тайного или, напротив, открытого состоит в анализе отношения к деянию потерпевшего, а также других людей – осознавали ли данные лица факт противоправного посягательства на собственность. В данном аспекте можно выделить

следующие пути признания хищения тайным (или наоборот, открытым и явным), руководствуясь обозначенным объективным критерием.

Например, при совершении хищения из каких-либо мест в отсутствие любых очевидцев, в частности, из пустого хранилища, в которое виновный самовольно проник и т.д. Хищение также необходимо считать тайным если оно совершается в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц, либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества (п.25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»)⁶⁴.

Объективный критерий оценки способа совершения хищения чужого имущества в качестве тайного предполагает, что потерпевший, а также иные посторонние лица, заведомо для виновного лица не осознавали или же не могли в силу объективных причин осознавать преступность действий похитителя, на что, собственно, и рассчитывал виновный.

Несмотря на важность обозначенного объективного критерия оценки тайности или открытости способа хищения, ключевое в правоприменительной практике имеет так называемый субъективный критерий, который состоит в намерениях виновного совершить деяние тайно от всех, не причастных к преступлению лиц. При этом, похититель пребывает в уверенности, что противоправное изъятие имущества из владения потерпевшего происходит незаметно и скрытно, как для самого собственника, так и для иных лиц.

Данное убеждение виновного обязательно должно иметь под собой фактическую основу, соответствующую реальной ситуации события

⁶⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №2.

преступления, например: тишина на складе или в хранилище, сон сторожа охраняемого объекта и т.д. Таким образом, если в подобной ситуации виновный субъективно убежден, что совершает тайное хищение имущества, но фактически кто-то видит ход его действий (случайный свидетель, или охранник, с помощью камеры наблюдения, о которой не знает виновный и т.д.), деяние всё равно образует состав кражи, а не грабежа.⁶⁵

По способу совершения в определённой мере сходными являются разбой, грабёж и вымогательство, будучи сопряжёнными с применением, или угрозой применения насилия.

В частности, с точки зрения объективной стороны ключевой отличительный аспект, разграничивающий грабёж и разбой, заключается в следующем:

«1) грабёж совершается без применения какого-либо насилия либо угрозы его применения, либо с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой его применения. Нападение при разбое всегда соединено с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия;

2) грабёж считается оконченным преступлением с момента, когда у виновного появилась возможность пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению. Разбой признается оконченным преступлением с момента нападения»⁶⁶.

Пленум Верховного Суда РФ определяет: «Под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения»⁶⁷ (п. 6).

⁶⁵ Уголовное право России. Части общая и особенная» / под ред. Рарога А.И. – М.: ТК Велби, Изд. Проспект, 2007. С. 704.

⁶⁶ Уголовное право России. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата: в 2 т. Т. 1: Преступления против личности. Преступления в сфере экономики / под ред. О. С. Капинус. – М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 230.

⁶⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №3, 1997.

Насилие, опасное для жизни или здоровья, как обязательный признак разбоя можно разделить на два вида: к первому — относится насилие, которое повлекло причинение легкого, средней тяжести, тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего, а ко второму виду — относится насилие, которое хотя и не причинило вреда здоровью потерпевшего, но в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья. К такому насилию следует относить выталкивание на ходу из движущегося транспорта, нанесение ударов ногами по жизненно важным органам лежащему человеку, удушение и т.п.

Насилие может применяться как к собственнику имущества, владельцу, так и к лицу, под охраной которого оно находится, либо к третьим лицам.

«Вымогательство считается оконченным с момента выражения потерпевшему соединенного с угрозой требования, выполнение либо невыполнение данного требования и период, прошедший между требованием и его выполнением, значения для квалификации не имеют - требование может быть выполнено потерпевшим и непосредственно за получением требования, и хотя столь скорое его выполнение вымогателем в качестве условия не ставилось, оно не меняет уголовно-правовой оценки содеянного как вымогательства»⁶⁸ - пишут авторы одного из комментариев.

Вышеуказанное правило квалификации, обозначенное в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. №56⁶⁹, высшая судебная инстанция привела, отграничивая вымогательство, соединенное с насилием, от грабежа и разбоя, где завладение имуществом происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения. Однако грабеж и разбой суть посягательства на имущество, тогда как при вымогательстве виновный может также требовать передать ему право на имущество или совершить действия имущественного

⁶⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. - М.: Юрайт, 2017. С. 118.

⁶⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2016.

характера. В последних двух случаях пределы действия нормы об ответственности за вымогательство нормами об ответственности за указанные формы хищения не ограничиваются. Поэтому, если, допустим, виновный под угрозой насилия или даже с его применением требует от потерпевшего немедленно подписать договор дарения дома либо разорвать долговую расписку, содеянное квалифицируется как вымогательство.

Для мошенничества обязательным критерием объективной стороны является совершение преступления таким способом, как обман, или злоупотребление доверием.

Пленум Верховного Суда РФ в тексте Постановления от 30.11.2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» делает акцент на том, что «способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со статьями 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом».

Г.Н. Борзенковым обман понимается, как «искажение истины, или же умолчание о ней».⁷⁰ Однако, такой подход не вполне точен, поскольку как искажение истины, так и сознательное умолчание об истине ещё не являются обманом, пока не направлены на введение в заблуждение.

Более правильное определение понятия «обман» сформулировал Г.А. Кригер: «обман это умышленное искажение или сокрытие истины в целях введения в заблуждение другого человека».⁷¹ Другими словами, обманом является намеренное искажение представления другого лица о неких фактах. «Обманывая относительно наступления какого-либо события. Обещая совершить в будущем определенные действия, субъект тем самым вводит в

⁷⁰ Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество: вопросы квалификации. – М., 1971. С. 30.

⁷¹ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. - М., 1977. С. 150

заблуждение потерпевшего и таким путем посягает на охраняемые уголовным законом интересы».⁷²

Действие при мошенничестве предполагает активную роль лица в искажении истины, что достигается им устно или письменно, либо с помощью физических приемов. В первом случае для обмана характерно сообщение ложных сведений, намерений и т. п. Во втором — написание писем, внесение изменений в нужные документы (подделка). Третья форма более сложная, поскольку в ней содержится совокупность устного и письменного обмана.

Но главную роль здесь играют выработанные преступником специальные приемы, при помощи которых достигается конечная цель — завладение чужой собственностью. Основным действием при мошенничестве следует признать процесс изъятия имущества из владения собственника, обусловленный обманом или злоупотреблением доверием со стороны субъекта преступления.

Отличительная объективная черта мошенничества, как формы ненасильственного хищения, заключается в том, что внешне создаётся иллюзия якобы «добровольного» отчуждения собственности потерпевшим и передачи её виновному, который непосредственно не изымает имущество из владения другого лица, а достигает цели безвозмездного обращения переданного ему имущества в свою пользу. Обман или злоупотребление доверием являются своего рода внешними проявлениями противоправного поведения виновного.

Уголовное законодательство признает обман, совершенный также и в пассивной форме. Под ним понимается умолчание об истине с целью получения материальной выгоды. Это возникает, как правило, при стечении обстоятельств, не зависящих от виновного, которые и вызывают внезапную его решимость на совершение преступления (например, умолчание лица о факте получения им денег сверх начисленной заработной платы или по

⁷² Сабитов Р.А. Обман как средство совершения преступления. - Омск. 1989. С. 9.

ошибке кассира). К сожалению, часто лица не считают такое поведение преступным.⁷³

Однако большая часть преступлений в форме мошенничества совершается в форме действий, причем активных. В судебной практике часто встречается получение товаров со складов и баз якобы для перевозки их по «назначению» в магазины по фиктивным документам (обычно используют поддельные накладные). Так, например, Г. изготовил поддельные печати «отдел сбыта», штамп «оплачено». После чего, подделал накладные на получение товара. Затем, вступив в сговор с К., получил по поддельным накладным со склада ООО «Стандарт» 4 000 бутылок водки на сумму 240 000 р. Таким образом, Г. совершил хищение чужого имущества путем обмана группой лиц по предварительному сговору в крупном размере.⁷⁴

Обман представляет собой особую форму дезинформационного воздействия на психику потерпевшего. Изошрённость содержания обманных действий не имеет никакого квалифицирующего значения – они должны быть достаточными для введения в заблуждение потерпевшего.

Далее уделим внимание такому средству преступного завладения имуществом как злоупотребление доверием, которое законодательно выделено в виде самостоятельного способа совершения мошенничества, отличного от обмана, хотя на практике злоупотребление доверием часто сопряжено именно с обманом, поскольку виновное лицо проявляет стремление получить доверие потерпевшего, чтобы облегчить совершение обмана. Обман в ряде ситуаций вообще не мог бы быть реализован, если бы жертва не испытывал определенного доверия к виновному. По этой причине обман и злоупотребление доверием в составе мошеннического способа совершения хищения взаимно переплетены.

⁷³ Шаповалова Е.Г. О некоторых проблемах квалификации мошенничества // Современные проблемы юридической науки: Материалы VII Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 5-6 мая 2011 г.). В 2-х ч. Ч. II. - Челябинск, 2011. С. 193.

⁷⁴ Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2008 г. №81-Д08-8 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

В юридической литературе часто оба способа мошенничества смешиваются. Как указывает Г.Н. Борзенков, «особенно часто смешивают со злоупотреблением доверием обман в намерениях (дача лицом ложного обещания осуществить определённые действия, направленные на удовлетворение интересов потерпевшего)».⁷⁵

В качестве самостоятельного способа совершения мошенничества злоупотребление доверием встречается на практике достаточно редко.

Необходимым критерием злоупотребления доверием, как способа совершения мошенничества являются личные доверительные отношения, сложившиеся между виновным и жертвой преступления. Данные доверительные отношения могут иметь как юридическую основу (наличие договорных обязательств, служебные отношения), так и фактическую (личное знакомство, совместный досуг, доверчивость потерпевшего).

Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо личными или родственными отношениями лица с потерпевшим.

Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства).

Так или иначе, злоупотребление доверием как самостоятельный способ преступления встречается редко, обычно выступая в сочетании с обманными действиями преступника. В большинстве случаев чётко их разграничить не

⁷⁵ Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество: вопросы квалификации. – М., 1971. С. 68.

представляется возможным, тем более что злоупотребление доверием в его «чистом виде» почти не встречается на практике.

Конкретных способов совершения хищения, путём обмана или злоупотребления доверия очень много. Некоторые из разновидностей мошенничества законодатель решил сформулировать в виде специальных составов (ст. 159.1. – 159.6. УК РФ).

Некоторые авторы, критически относятся к этому шагу, полагая, что законодатель допускает тем самым казуистику⁷⁶, от которой наоборот стоило бы максимально отходить.

С другой стороны, данный подход позволяет учесть специфику каждого из видов мошеннического посягательства и максимально дифференцировать ответственность.

Способы мошенничества в отношении имущества граждан разнообразны и подвижны, поскольку часто связаны с потребностями и поведением самой жертвы. Изобретательность и фантазия преступников не стоят на месте. Они широко используют ранее не доступные, в том числе высокотехнологичные, возможности.

О необходимости внесения изменений в УК РФ, направленных на выделение состава мошенничества, связанного с использованием высоких технологий в науке говорят уже достаточно давно.

Как отмечает по этому поводу С.С. Медведев, «в настоящее время мошенничество проникло во все сферы, в которых присутствуют имущество либо ценности имущественного характера. Данному процессу способствует сфера высоких технологий, которая также является неотъемлемым атрибутом большинства областей человеческого общества. Злоумышленник использует и применяет составные элементы высоких технологий как инструмент - орудие (как неотъемлемый элемент объективной стороны) и как средство (как среду, создающую условия для реализации преступного умысла),

⁷⁶ Епихин А.Ю. Уголовно-правовые аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // Современное право. 2013. №10. С. 134.

разрабатывая приемы их преступного применения. Рассматривая мошенничество в сфере высоких технологий, следует исходить из того, что способ (обман или злоупотребление доверием) неразрывно связан со сферой высоких технологий и реализуется в ней и посредством ее. Повышенную общественную опасность мошенничеству в сфере высоких технологий придает тот факт, что оно совершается с использованием виртуального пространства».⁷⁷

В конечном итоге, данные предложения были оформлены законодателем в виде таких составов, как «мошенничество с использованием платежных карт» и «мошенничество в сфере компьютерной информации».

Рассмотренные выше признаки объективной стороны – обман и злоупотребление доверием легли также в основу выделения отдельного состава преступления против собственности – ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». В рамках данного состава речь идёт о причинении ущерба в крупном размере при отсутствии признаков хищения.

Следующие два способа, посредством которых может быть осуществлено хищение – это присвоение и растрата.

Присвоением является противоправное удержание (невозвращение) чужого имущества, которое было вверено виновному для определенных целей. Растратой является отчуждение вверенного виновному имущества или его фактическое потребление.

Как пишет Н.А. Громов, «в ситуациях, когда вверенное имущество использовалось лицом без намерений обращения данного имущества в свою собственность, или собственность иных лиц, такие действия не образуют состав хищения».⁷⁸

⁷⁷ Медведев С.С. Общественная опасность мошенничества в сфере высоких технологий как основание его криминализации // Общество и право. 2008. №3. С. 25.

⁷⁸ Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.А. Громова. – М.: ГроссМедиа, 2007. С. 223.

Общим объективным признаком и присвоения и растраты является использование субъектом полномочий, имеющихся у него, в отношении вверенного имущества. Однако, в случае присвоения имущества, виновный обращает чужое имущество в свою собственность, а совершая растрату, он производит незаконное отчуждение имущества, передавая его третьим лицам (посредством дарения, продажи и т.д.), или имущество потребляется. При растрате имущества сразу происходит переход к третьим лицам без предварительного обращения данного имущества в собственность преступника.

При присвоении или растрате явным признаком осуществляемого виновным злоупотребления имеющимися полномочиями являются отношения доверия между виновным и потерпевшим – законным собственником имущества, которое имеет определенную правовую основу. Сама передача имущества в ведение виновного (вверение) представляет собой своего рода доверие, именно по этой причине следующее за вверением присвоение или растрата имущества, есть одновременно злоупотребление оказанным доверием.

То есть, вверение имущества виновному обуславливает обобщенный способ действия, связанного с использованием полномочий относительно имущества. В соответствии с утверждениями В.И. Плоховой «обобщенным способом изъять вверенное имущество для последующего его присвоения или растраты является применение полномочий в отношении вверенному имущества. Именно использование полномочий, а не злоупотребление доверием является особым способом изъятия (оставления вещи у себя)».⁷⁹

Сущность присвоения или растраты составляет то, что виновный злоупотребляет доверием собственника, передавшего имущество, используя при этом имеющиеся полномочия в отношении данного имущества.

⁷⁹ Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб., 2003. С. 260-261.

Возникает вопрос: как разграничить содержательную сторону способа, используемого при мошенничестве, путём злоупотребления доверия и присвоения (растраты)? Ответ на поставленную проблему находится в плоскости неправомерного использования виновным своих полномочий, поскольку, производя присвоение имущества, переданного собственником, данный субъект уже осуществляет злоупотребление тем доверием, что ему оказано.

Но для правильной квалификации важно установить, что находится в основе способа действия виновного. Если виновное лицо завладевает вверенным ему имуществом, используя для этого предоставленные полномочия, то будет иметь место состав присвоения имущества. Когда субъект преступления завладевает переданным ему имуществом без особых полномочий в отношении данного имущества, основываясь на фактических или юридических отношениях, которые сложились между ним и собственником имущества, то будет иметь место мошенничество, совершённое посредством злоупотребления доверием.

В ситуации, где имеет место присвоение (растрата), хищение имущества осуществляется лицом, которому это имущество *вверено* (т.е. данное лицо было наделено полномочиями, касающимися этого имущества), а хищение, совершённое путём злоупотребления доверием – это хищение имущества субъектом, которому данное имущество было *доверено* (т.е. собственность находится у данного человека в силу каких-либо отношений, которые имеют место между виновным и собственником, но при этом не происходит наделение какими-либо полномочиями).

Безусловно, присвоение (растрата) всегда содержит в себе определённый элемент злоупотребления доверием, так как собственник, передавая (вверяя) определенное имущество лицу и наделяя его полномочиями, касательно данного имущества, непременно доверяет ему. Однако же не злоупотребление доверием позволяет виновному завладеть имуществом, а использование им предоставленных собственником

полномочий. Как раз данную специфическую особенность и следует учитывать при разграничении присвоения (растраты) и злоупотребления доверием, которое осуществляется при совершении мошенничества.

К следующему элементу объективной стороны, определяющему общественную опасность хищения посягательства, относится преступный результат. При хищении это обращение имущества в пользу виновного, или иных лиц.

Изъятие имущества и обращение его виновным в свою пользу или пользу других лиц, близких виновному, обычно осуществляется единовременно, путём одного действия. Когда процесс хищения имеет определённую протяжённость во времени, то момент обращения имущества в пользу виновного будет свидетельствовать об окончании преступления, когда виновное лицо противоправно приобретает возможность распоряжаться и пользоваться чужим имуществом как своим собственным.

Для того, чтобы то, или иное хищения было признано окончательным, не обязательно, чтобы преступник начал фактически осуществлять пользование вещью, начал ее эксплуатацию или извлек из её наличия выгоду. Говоря о моменте окончания кражи, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении №29 от 27.12.2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывает, что «Кража и грабеж считаются окончательными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ в постановлении №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» содержит уточнения относительно моментов окончания хищений в форме мошенничества, присвоения и растраты.

Мошенничество признается окончательным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и

они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения).

Присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства).

Растрату следует считать окончанным преступлением с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения).

Иногда в правоприменительной практике возникают случаи, когда виновное лицо производит возврат похищенного или возмещает причиненный имущественный ущерб. Как быть в подобных случаях? Возврат похищенного имущества не отменяет совершённого общественно опасного деяния, однако может быть учтено при индивидуализации уголовной ответственности и наказания, а при наличии соответствующих условий, может стать основанием, например, для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ⁸⁰)

Одними из способов совершения преступлений, включённых в главу 21 УК РФ, является уничтожение или повреждение имущества. Данные способы выступают в качестве составообразующих при конструировании составов преступлений, предусмотренных ст. 167 и 168 УК РФ.

В судебной практике складывается следующее понимание данных категорий: «По смыслу закона под уничтожением имущества понимается приведение его в такое состояние, когда оно навсегда утрачивает свою хозяйственную ценность и не может быть использовано по своему назначению; под повреждением имущества понимается причинение такого вреда вещи, который существенно понижает ее хозяйственную ценность, но при этом вещь может быть пригодной к использованию по своему назначению при условии ее восстановления и исправления»⁸¹.

Для характеристики объективной стороны хищения требуется также установление причинной связи между действием и наступившим преступным результатом. Это является одним из важнейших принципов российского уголовного права при решении вопроса об ответственности лица.

⁸⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

⁸¹ Апелляционное постановление Мосгорсуда от 16.07.2014 г. по делу №10-9568/14 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

О причинной связи обычно говорит вся логика развития криминальной ситуации: действия преступника, вещественные доказательства, показания очевидцев преступления и другие обстоятельства дела, которые подлежат исследованию в судебном заседании.

Последствия хищения заключаются, с одной стороны, в причинении потерпевшему имущественного ущерба (без учета упущенной выгоды), с другой стороны, в противоправном обогащении самого виновного или лиц, в судьбе которых он заинтересован.

Если в процессе изъятия имущества собственнику было предоставлено должное материальное возмещение, подобные действия неправомерно считать хищением, поскольку они не сопряжены с причинением потерпевшему имущественного ущерба.

2.2. Субъективные признаки

Подавляющее большинство преступлений против собственности совершаются с прямым умыслом (только ст. 168 УК РФ предполагает вину в форме неосторожности при уничтожении или повреждении имущества) и корыстной целью, которые должны сформироваться у субъекта до начала выполнения им преступного деяния. Если имущество было изъято не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику, содеянное может образовать состав самоуправства, предусмотренный ст. 330 УК РФ, но не может квалифицироваться как хищение.

Ряд преступлений против собственности – ст. 166, 167, 168 УК РФ, не предполагают наличие корыстной цели.

Корыстная цель – один из обязательных признаков хищения вообще, и один из ключевых признаков субъективной стороны хищения. Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных указанной теме, на

практике возникают вопросы, которые до настоящего времени не нашли окончательного разрешения. Наибольшее число подобных вопросов возникает при квалификации таких форм хищений, как мошенничество, присвоение и растрата.

Целью преступного деяния является некая мысленная модель того результата, к достижению которого виновный стремится, совершая общественно-опасное посягательство.⁸²

С точки зрения русского языка корысть подразумевает выгоду или материальную пользу.⁸³

В науке уголовного права корыстная цель традиционно трактуется как цель удовлетворения своих потребностей в похищаемом имуществе, получении личной прибыли.⁸⁴ Это наиболее узкий подход к пониманию корыстной цели.

Как отмечается отдельными исследователями с опорой на эмпирические данные, в 79,6% случаев при совершении мошенничеств похищаемое имущество обращалось непосредственно в пользу виновного. В 20,4% мошенничеств похищенное обращалось виновным в пользу посторонних лиц, но виновный при этом извлекал личную материальную выгоду. Как правило, подобные хищения совершаются при получении потребительских кредитов, когда предмет хищения (деньги банка) мошенник обращает в пользу продавца, а от продавца получает взамен этих денег какой-либо товар.⁸⁵

Многие исследователи трактуют корыстную цель шире, включая в нее, помимо стремления к личному обогащению, стремление к обогащению

⁸² Агджаев Э.М. Цели преступления: уголовно-правовой и криминологический аспект // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию ЮФ РГУ им. С.А. Есенина 4 ноября 2013 года. Вып. 2. - Рязань, 2013. С. 342.

⁸³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1987. С. 256.

⁸⁴ Ворошилин Е.В. Ответственность за мошенничество. Статья 147 УК РСФСР: Учебное пособие. - М.: РИО ВЮЗИ, 1980. С. 39.

⁸⁵ Петров С.А. Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана: уголовно-правовая оценка и совершенствование правовой регламентации: Дис. ... канд. юрид. наук. - Калининград, 2015. С. 146.

людей, с которыми виновного связывают личные отношения, т.е. родственники, иждивенцы, друзья, к обогащению соучастников хищения и людей, с которыми виновный состоит в имущественных отношениях.⁸⁶

Передавая имущество родственникам, он, тем самым, сберегает своё имущество, которое бы потратил в ином случае. В этом заключается корысть. Несмотря на то что при таком подходе корыстная цель трактуется шире, чем в первом случае, этот подход все-таки стоит назвать усеченным, так как в науке существует еще более широкий подход к пониманию корыстной цели.

Так, А.Г. Безверхов предлагает толковать корысть в качестве противоречащего праву получению имущественной выгоды любыми лицами. Поэтому для определения корысти не важно, кто именно получил незаконную имущественную выгоду в результате совершения преступного деяния – виновный лично, или какие-либо другие посторонние, или, наоборот, близкие ему лица.⁸⁷

На практике такой широкий подход к пониманию корысти долгое время «не приживался», в связи с тем, что суды корысть, в основном, истолковывали в усеченном смысле как желание обогатить себя самого, близких родственников либо других соучастников хищения.

Данному подходу способствовал п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в котором прямо не говорится о том, что похищенное имущество может быть обращено в пользу совершенно чужих для виновного лиц, которые не являются соучастниками преступления. В этой связи, на практике имели место ситуации, при которых лица, действия которых можно было бы квалифицировать как мошенничество при применении широкого подхода к пониманию корысти (стремление виновного противоправным путем получить реальную

⁸⁶ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. - М.: ЛексЭст, 2005. С. 231.

⁸⁷ Безверхов А.Г. Имущественные преступления. - Самара: Самарский университет, 2002. С. 165.

возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным), не привлекались к ответственности за хищение.

При сложных мошенничествах, присвоениях и растратах наличие корыстной цели зачастую можно доказать лишь показаниями обвиняемых, которые имеют законное право такие показания не давать. Уголовно-правовые нормы должны быть сформулированы таким образом, чтобы средствами уголовного процесса была возможность доказать наличие тех или иных обстоятельств. Закрепление в норме о хищении обязательного признака корыстной цели в усеченном ее понимании нарушает озвученный принцип конструирования уголовно-правовой нормы, поскольку иногда наличие такой корыстной цели невозможно доказать средствами уголовного процесса.

В новом Постановлении Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указанная проблема нашла свою корректировку – Пленум в п. 26 указал, что «при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых *не ограничен*».

Теперь в Постановлении имеется вполне конкретное указание на возможность использования широкого подхода в понимании корысти.

Понимание корыстной цели при уголовно-правовой оценке мошенничеств, присвоений и растрат совершенно иное, нежели при квалификации краж и грабежей. Относительно кражи и грабежа обстоятельства распоряжения имуществом после его хищения не имеют значения для квалификации. Если виновное лицо открыто или же тайно совершает хищение имущества, то для правильной квалификации не имеет

значение, желал ли виновный оставить похищенное для себя, или передать в дар кому-либо.

Как полагает С.А. Петров, подобный подход к уголовно-правовой оценке должен применяться при квалификации всех ненасильственных форм хищения, а не только кражи и грабежа.⁸⁸

Невзирая на то, что корыстная цель при хищении должна быть обязательно, мотивация преступного поведения виновного может быть разнообразной.

Под мотивом в уголовно-правовой науке понимаются внутренние побуждения, обусловленные определенными потребностями, которые вызывают у виновного лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствуется, совершая противоправное деяние.⁸⁹

Категории «мотив» и «цель» преступления хотя и являются родственными, но по содержанию не совпадают друг с другом.

Мотив – это определённое внутреннее побуждение. Корыстный мотив характеризуется побуждением к обогащению. Цель – это некое внутреннее представление о предполагаемом и желаемом результате.

Представляется, что при наличии корыстной цели, мотивация не обязательно должна быть тоже корыстной. Движущим мотивом может быть даже некое благое побуждение – например, на похищенные средства купить лекарства. Таким образом, при наличии корыстной цели, корыстный мотив может также иметь место, но его наличие не обязательно.

При групповых преступных посягательствах корыстная цель может быть сформирована корыстным мотивом только одного соучастника, мотивация же других соучастников может быть разноплановой, но направленность всё равно будет относительно достижения корыстной цели.

По данной проблеме А. Бойцов пишет: «...в основе побудительной мотивации каждого отдельного хищения всегда лежит корысть, но из этого

⁸⁸ Петров С.А. Корыстная цель в хищениях // Законность. 2017. №9. С. 15.

⁸⁹ Гайфуллин А.Н., Мешков М.В. Доказывание мотива преступления и проблемы уголовно-правового регулирования // Мировой судья. 2015. №3. С. 15.

не следует, что исключительно по корыстным мотивам действует каждый отдельный соучастник хищения».⁹⁰

На практике указанный тезис учитывается судьями не всегда, что влечет вынесение незаконных приговоров. Так, Белорецким межрайонным судом Республики Башкортостан 29 февраля 2016 г. по обвинению в хищении бюджетных денежных средств оправдан глава одной из сельских администраций гражданин К. В ходе расследования уголовного дела установлено, что К. вступил в сговор с гражданином П. на хищение бюджетных денежных средств, выделенных на капитальный ремонт многоквартирного дома. П. привлек к совершению преступления гражданина Н., который, в свою очередь, осуществлял незаконное «обналичивание» денежных средств. Согласно достигнутой договоренности К. от имени сельской администрации подписал фиктивные документы о полном выполнении ремонтных работ, которые реально выполнены лишь на 20 процентов, после чего перевел бюджетные деньги на счет подконтрольной Н. организации. Тот обналичил эти деньги и за минусом своей доли отдал их гражданину П. Какую часть похищенных денег П. передал К. и передал ли вообще, следствием не установлено, так как это можно было установить лишь из показаний обвиняемых, но они показаний по этому поводу не давали. По той причине, что суд не увидел доказательств наличия у подсудимого К. личного корыстного мотива, так как не было доказано, на какую сумму обогатился лично К., суд вынес оправдательный приговор, таким образом применив самый узкий подход к пониманию корыстной цели как к цели личного обогащения. Доводы стороны обвинения, что в результате согласованных действий всех соучастников один из них, гражданин Н., противоправно, безвозмездно получил на расчетный счет подконтрольной ему организации похищенные бюджетные денежные средства, в чем и состоит корыстная цель всей группы, не убедили суд первой инстанции.

⁹⁰ Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. С. 300.

На основании представления государственного обвинителя судом апелляционной инстанции оправдательный приговор отменен. При повторном рассмотрении уголовного дела все три соучастника осуждены за совершение хищения бюджетных денежных средств путем присвоения.⁹¹

В этом случае суд принял во внимание доводы обвинения о том, что корыстная цель в групповом хищении состоит в обогащении хотя бы одного соучастника, а не каждого члена группы.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в теории уголовного права существует три подхода к пониманию корыстной цели:

1) узкий, когда под корыстью понимается стремление личного обогащения;

2) усеченный, когда под корыстной целью понимается цель извлечения материальных выгод лично для виновного, близких ему лиц либо соучастников хищения;

3) широкий – стремление виновного противоправным путем получить реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а равно незаконно извлечь иные выгоды имущественного характера для себя или других лиц.

На практике, до недавних пор, применялся узкий подход. С усеченным подходом иногда возникают сложности, что может привести к вынесению оправдательного приговора, поэтому в процессуальных документах необходимо делать особый акцент на описании корыстной цели. Практика применения широкого подхода, возможно, начнёт формироваться как результат появления нового Постановления Верховного Суда РФ, в рамках которого всё же нашла своё уточнение рассматриваемая проблема.

Обратимся к общей характеристике субъекта преступлений против собственности. Субъектом преступления в соответствии с российским уголовным правом может быть только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

⁹¹ Уголовное дело №1-19/2017 // Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти за 2017 год.

В ст. 20 УК РФ установлен общий возраст уголовной ответственности, который составляет 16 лет. Данная возрастная граница справедлива для мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ), мошенничества (ст. 159 – 159.6 УК РФ), а также присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), неквалифицированного состава умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. ч. 1 ст. 167 УК РФ), уничтожения или повреждения имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

Однако, для отдельных видов преступлений против собственности законодатель предусмотрел пониженный возраст субъекта преступления – 14 лет. В таком возрасте лицо можно привлечь к уголовной ответственности за совершение кражи (ст. 158 УК РФ), грабежа (161 УК РФ), разбоя (ст. 162 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), умышленного уничтожения или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Действующий УК РФ сопрягает возможность привлечения к ответственности со способностью лица, совершившего противоправное уголовно-наказуемое деяние, отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Особый интерес представляет уточнение характеристик субъекта присвоения и растраты – лица, которому вверено имущество. В квалифицированных видах хищение включает признак специального субъекта – лицо, использующее служебное положение.

Остановимся на характеристике данных категорий субъекта преступления против собственности более подробно.

Законодателем выделены две категории лиц, которые выполняют функции, связанные с управлением: должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях.

В современных научных публикациях получили своё развитие существовавшие раньше в теории подходы к определению субъекта, которому вверяется чужое имущество: от служащего до куда более узкого и определённого круга лиц, которым имущество вверено под отчет с соответствующим документальным оформлением и уточнением, что имущество может быть передано лицу на основании гражданско-правового договора.⁹²

В отдельных комментариях утверждается, «что субъектом присвоения или растраты является лицо, завладевшее имуществом, которое ему вверено для хранения, ремонта, обработки, перевозки, временного пользования и т.д., а значит, находится в его правомерном владении, либо виновный в силу служебного положения наделен правом распоряжения по поводу использования данного имущества, которое таким образом находится в его ведении. Субъектом ч. 2 ст. 160 УК, по его мнению, может быть как должностное лицо, так и иной служащий, использующий свое служебное положение для присвоения имущества».⁹³

С.А. Елисеев, развивая данную идею, пишет, что «субъектом ч. 2 ст. 160 УК, исходя из категории «служебный», которое используется в формулировке, может быть и государственный, и негосударственный служащий. Соответственно, как считает учёный, по ч. 1 ст. 160 УК РФ должны квалифицироваться действия всех лиц, которым имущество вверено «по специальному поручению организации, по договору», исключая при этом должностных лиц, осуществляющих распорядительные функции, поскольку им имущество не вверяется».⁹⁴ Подобной точкой зрения делится в своих работах А.В. Хабаров.⁹⁵

⁹² Бакрадзе А.А. Присвоение и растрата - преступления, подрывающие оказанное доверие. - М.: Академия экономической безопасности МВД РФ, 2007. С. 78.

⁹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко. - М.: НОРМА, 2005. С. 258.

⁹⁴ Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. - Томск, 2000. С. 111.

⁹⁵ Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 1999.

Некоторые специалисты в качестве субъектов присвоения или растраты, совершенных с использованием служебного положения, признают только должностных лиц (примечание к ст. 285 УК РФ) и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях (примечание к ст. 201 УК РФ).⁹⁶

Такой взгляд не мог не сказаться на оценки субъекта ст. 160 УК РФ в правоприменительной практике.

В правовой регуляции правоотношений с участием лица, осуществляющего определенные полномочия в отношении имущества, не являющегося его собственностью, уже накоплен определенный опыт, на основе использования норм различных отраслей российского права.

Возможность передачи, порядок, субъект, который может передавать то или иное имущество в управление несобственникам государственного имущества или государственным органам частного имущества, довольно четко регламентируется законом или подзаконными актами (хотя и здесь существуют проблемы).

Что касается частного собственника, то, как пишет А.П. Севрюков, «законодатель предлагает ему лишь выработанные практикой возможные варианты передачи имущества и ее оформления. Например, залог с передачей заложенного имущества залогодержателю (ст. 338 ГК РФ), аренда (гл. 34 ГК РФ), наем жилого помещения (гл. 35 ГК РФ), безвозмездное пользование (гл. 36 ГК РФ), подряд (ст. ст. 704, 713, 714, 734, 745 ГК РФ), перевозка груза или багажа (гл. 40 ГК РФ), транспортная экспедиция (гл. 41 ГК РФ), банковский вклад и банковский счет (гл. 44, 45 ГК РФ), хранение (гл. 47 ГК РФ), поручение, комиссия и агентирование (гл. 49, 51, 52 ГК РФ) и др. Собственник сам решает, кому передать свое имущество и как это оформить, чтобы получить наибольший эффект. Лишь когда объединяется имущество нескольких собственников (в том числе и государства), то

⁹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко. - М.: НОРМА, 2005. С. 258.

должны соблюдаться правила, установленные для выбранной организационно-правовой формы. Вопросы, не урегулированные в ее рамках, подлежат локальному регулированию».⁹⁷

Ситуации, при которых обслуживание материальных ценностей входит в содержание трудовых обязанностей как собственника, так и иных лиц, регулируются положениями трудового права. Самые обширные полномочия по управлению имуществом предоставляются соответствующим руководителям организаций.

Следует сказать о том, что в науке потребность раскрыть содержание категории «управление имуществом» обусловлена необходимостью раскрытия сути административно-хозяйственной функции должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В научной литературе, характеризуя данную функцию говорят об управлении и распоряжении материальными ценностями, об установлении их учета и контроля, о возможности заключения договоров с иными субъектами хозяйственной деятельности и т.д. - в отношении коммерческих организаций, а в отношении государственных - организации и получения материальных ценностей, денег и обеспечении контроля за их операциями, реализации товаров, учета произведенной работы и начислении вознаграждения за труд. Подобные выводы следуют из гражданско-правовой литературы.

Более зауженным перечнем прав и обязанностей, считает В.И. Плохова, «наделяются недолжностные материально ответственные лица. Именно поэтому Верховный Суд РФ в своих постановлениях всегда рекомендовал отличать лиц, управляющих имуществом, т.е. должностных, от тех, которые выполняют в отношении его какую-то конкретную операцию (продажа, хранение, перевозка и т.д.). В их обязанности входит сохранность

⁹⁷ Севрюков А.П. Признаки специального субъекта присвоения и растраты // Российский следователь. 2010. №6. С. 23.

непосредственно переданных им (во многих случаях - в непосредственное обладание) материальных ценностей».⁹⁸

Все полномочия, которыми наделяется субъект, как представляется, должны письменно закрепляться. Этого, в частности, требуют нормы трудового права. Права и обязанности того или иного вида управляющих в отношении управляемого ими имущества конкретизируются в должностных инструкциях, трудовом контракте, договоре о полной материальной ответственности, письменных соглашениях, других локальных нормативных актах.

Полномочия недолжностного лица в отношении передаваемого ему имущества конкретизируются в договоре о полной материальной ответственности, письменных соглашениях, прилагаемых к трудовому договору. Неперсонифицированная обязанность любого работника - бережно относиться к имуществу, закрепленная в ст. 2 ТК РФ⁹⁹, не наделяет последнего конкретными правами и обязанностями в отношении имущества.

«В гражданском праве, как известно, больше диспозитивности в регулировании общественных отношений. Но существует тенденция возрастания роли договоров, положений гражданского права, согласно которым сделки между гражданами и юридическими лицами на сумму, превышающую установленный законом минимальный размер оплаты труда не менее чем в 10 раз, должны оформляться письменно. Это подтверждает положение о необходимости конкретизации полномочий участников гражданского оборота. Для обеспечения устойчивости гражданских правоотношений в практике гражданского оборота используется письменная форма сделок»¹⁰⁰ - отмечают некоторые учёные.

Работодатель или собственник вправе осуществить передачу своего имущества кому угодно, не осуществляя оформление передачи

⁹⁸ Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности. – СПб.: ЮЦ Пресс, 2003. С. 270 – 271.

⁹⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. №197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 3.

¹⁰⁰ Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности. – СПб.: ЮЦ Пресс, 2003. С. 270 – 271.

документально. Но в этом случае работодатель несет ответственность перед собственником (собственниками), а у собственника меньше возможностей возместить причиненный ущерб.

А.П. Севрюков считает, что «более правильной была практика в применении рассматриваемой статьи, признававшая необходимость документального оформления факта наделения того или иного лица определенными полномочиями по службе или в отношении вверенного имущества».¹⁰¹

От объема полномочий в отношении вверенного или находящегося в ведении имущества, пишет А.А. Бакрадзе, «зависит возможность причинения большего или меньшего ущерба собственнику, владельцу имущества. Поэтому общественная опасность действий лиц, способных использовать и использующих значительный объем полномочий в отношении большого количества материальных ценностей, повышается по сравнению с лицами, имеющими возможность совершить с вверенным имуществом отдельную операцию. Большими полномочиями, как было показано ранее, наделяются, как правило, должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях. Отсюда логичнее их действия квалифицировать по ч. 2 ст. 160 УК РФ, т.е. субъектами присвоения или растраты, совершенной лицом с использованием служебного положения, следует признавать лишь названных лиц. Общественная опасность преступлений, совершаемых ими, повышается и за счет нарушения дополнительного объекта».¹⁰²

Подобное понимание сути данной проблемы в большей мере соответствует ст. ст. 285 и 201 УК РФ: в них указывается не на использование служебного положения, как было в соответствующих статьях УК РСФСР 1960 г., а на использование своих полномочий. Именно так

¹⁰¹ Севрюков А.П. Признаки специального субъекта присвоения и растраты // Российский следователь. 2010. №6. С. 24.

¹⁰² Бакрадзе А.А. Присвоение и растрата - преступления, подрывающие оказанное доверие. - М.: Академия экономической безопасности МВД РФ, 2007. С. 80.

понимается учеными этот квалифицирующий признак применительно к другим статьям Особенной части УК РФ.

Опираясь на сказанное, представляется не вполне логичным признавать субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 160 УК РФ, всех служащих без разбора. Даже приравнивание по общественной опасности действий должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, не совсем правильно, ибо общественная опасность преступлений, названных в гл. 23 УК РФ, существенно отличается от названных в гл. 30, судя по санкциям и по п. 2 примечания к ст. 201 УК РФ.

Таким образом, субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УК РФ, могут быть лица, которым имущество передано по разовым поручениям, договорам о полной материальной ответственности, трудовым договорам и соглашениям, приложенным к ним, гражданско-правовым договорам, за исключением должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях. По ч. 2 ст. 160 УК РФ к ответственности должны привлекаться должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, в распоряжении, управлении которых находится имущество.

Решение изложенных вопросов позволит облегчить квалификацию присвоения и растраты с учетом особенностей субъекта преступления.

Глава 3. Проблемы квалификации преступлений против собственности

3.1. Проблемы квалификации преступлений против собственности, связанных с хищением чужого имущества

Правоприменительная практика изобилует различными проблемами, связанными с квалификацией преступлений против собственности и, в первую очередь, преступных деяний, связанных с хищением чужого имущества, с учётом того, что именно данная группа преступлений имеет наибольшую распространённость в современной России.

С учётом широкого спектра рассматриваемых преступлений, уделим внимание лишь проблемам квалификации отдельных преступлений против собственности, связанных с хищением чужого имущества.

Ряд затруднений, как представляется, сопряжено с разграничением краж и экологических преступлений, связанных с незаконным завладением природными богатствами (золото, водные животные, дикие пушные звери, древесина и т.д.), то есть действий, которые предусмотрены ст. ст. 256, 258, 258.1 и 260 УК РФ. В общем и целом, данная проблема разрешается следующим образом: материальная составляющая природы в своём натуральном состоянии, не претерпевает на себе воздействие человеческого труда и по этой причине не обладает денежным выражением и прочими экономическими характеристиками. В связи с этим, не могут выступать в качестве предмета хищения. Тем не менее, на многие природные богатства имеются установленные в нормах экологического права расценки, предназначенные для определения причинённого материального ущерба, связанного с их добычей или уничтожением, которые не идентичны экономической категории товарной стоимости.

Здесь следует сделать определённую оговорку: как собственность может выступать то природное богатство, которое связано с вложением

человеческого труда. Ряд разновидностей естественных ресурсов (рыба, пушной зверь, декоративные деревья и кустарники) специально культивируются, разводятся и сохраняются человеком, с сохранением их связи с естественной природной средой обитания, при этом, данные природные ресурсы оказываются включёнными в производственно-трудовой процесс, т.е. являясь разновидностью товарной продукции. В действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №21 от 18.10.2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей природной среды и природопользования»¹⁰³ содержатся разъяснения, в соответствии с которыми действия лиц, совершивших незаконное завладение с корыстной целью содержащимися в неволе животными, подлежат квалификации как хищение. К предмету хищения также могут быть отнесены деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения (за исключением лесных насаждений, предназначенных для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений), на приусадебных земельных участках, на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровальные, буреломные, сухостойные деревья.

Во всех подобных ситуациях природные материальные объекты или уже пребывают в процессе товарного производства, либо изъяты трудом рыболова или охотника из естественной природной среды обитания, обретая самостоятельные имущественные характеристики.

При отсутствии тех условий, которые описаны выше, ценные породы рыбы, которые были выращены на рыбозаводах, после чего выпущены в

¹⁰³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. №21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №12, декабрь, 2012.

открытые водоемы, животные, ставшие частью дикой природы и т.д., имуществом и, соответственно, предметом хищения, являться не будут.

Отдельного внимания заслуживает вопрос квалификации противоправного завладения драгоценными металлами (в том числе золотом), так как они, будучи природным объектом, могут рассматриваться и в качестве имущественной ценности, и в качестве природного богатства, находящегося в недрах земли.

Вопрос о золоте, как предмете хищения следует решать, с учётом следующих моментов.

Золото, которое находится в пределах обособленной территории золотодобывающего предприятия будет уже являться не естественным богатством, так как оно уже включено в технологический производственный процесс добычи как продукт незавершенного цикла производства.

В этой связи, самовольную противоправную добычу золота, с последующим обращением его в корыстных целях в свою пользу или пользу третьих лиц, совершенные на территории золотодобывающего предприятия, следует квалифицировать как хищение чужого имущества. Такое противоправное завладение добываемым золотом образует состав хищения не только тогда, когда в качестве субъекта преступления выступает работник такого золотодобывающего предприятия, но и любые другие граждане, при условии их осведомленности об особом месте совершения деяния – территории, относящейся к ведению предприятия. Сама территория золотодобывающего предприятия будет достаточно условным понятием, так как к её пределам можно отнести даже те участки, на которых силами предприятия ведутся подготовительные работы, направленные на дальнейшую промышленную эксплуатацию недр, а также сооружение разведочных траншей для определения драгоценного металла в породах, и непосредственная добыча золота.

В тех случаях, когда похищенное на приисках золото или иные драгоценные металлы, являющиеся валютными ценностями, становится в

дальнейшем предметом незаконных сделок расхитителей с другими лицами, то деяние, как представляется, образует реальную совокупность хищения чужого имущества и преступления, которое предусмотрено ст. 191 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга.

Во всех остальных ситуациях, драгоценные металлы, драгоценные природные камни в недрах земли или на ее поверхности являются естественным природным богатством. Их самовольная добыча или находка и последующее незаконное уклонение от обязательной продажи государству при определенных условиях может образовать самостоятельный состав преступления - нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней - ст. 192 УК РФ. При этом надо иметь в виду, что сама незаконная разработка недр земли действующим УК РФ преступной и наказуемой не признается, как это следует из содержания ст. 225 УК РФ, которая регламентирует ответственность за нарушение правил охраны и использования недр.

Хищение чужого имущества в форме кражи также следует отграничивать от других форм хищения – в частности от мошенничества, присвоения и растраты.

Мошенничество характеризуется таким специфическим способом, как обман, или злоупотребление доверием, о чём уже говорилось ранее. Кража в определённых ситуациях может напоминать мошенничество. Например, когда виновное лицо использует различные уловки, для того, чтобы, обманув собственника имущества, проникнуть в его жилище и совершить хищение.

Однако в такой ситуации обман представляет собой условием, облегчающее тайное изъятие имущества, и в силу этого обстоятельства не обуславливает переход имущества от потерпевшего к виновному.

Принципиально другую роль имеет обман в контексте осуществления мошенничества, являясь ключевой причиной передачи собственности субъекту преступления, который обращает имущество в свою пользу. При

этом, при краже имущество похищается тайно помимо и вопреки воле жертвы преступления, а при мошенничестве имущество передаётся самим потерпевшим в псевдо-добровольной форме.

Одной из особенностей мошенничества выступает передача имущества во владение лица с наделением его в отношении этого имущества определенными правомочиями, без этого факта, передача имущества для сугубо технической операции (помочь поднести чемодан, присмотреть за ненадолго оставленными вещами и т.д.) и без наделения субъекта правомочиями имеет место не мошенничество, а хищение в форме кражи.

Приведём пример из правоприменительной практики. Например, Похвистневским районным судом 10.02.2014 г. года был осужден М. за совершение мошенничества, то есть хищения чужого имущества путем обмана. М., работая водителем в ЗАО Холдинговая компания «Н», решил похитить 1236 л бензина. С этой целью он путем обмана, вводил операторов АЗС в заблуждение о необходимости заправить бензином служебную автомашину, при этом предъявлял операторам путевые листы, выданные ЗАО Холдинговая компания «Н», по которой производилась заправка бензином. В течение июля 2013 года М. таким способом похитил 1236 л бензина на сумму 18045 руб. 60 копеек. Суд правильно квалифицировал действия М. по ст. 159 ч. 1 УК РФ.¹⁰⁴

При квалификации действия лица, совершившего кражу или грабеж, по признаку причинения гражданину значительного ущерба судами следует, руководствуясь примечанием 2 к ст. 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего.

Также стоит отметить, что если умысел на хищение с незаконным проникновением в жилище возник у субъекта уже во время нахождения в

¹⁰⁴ Справка о результатах обобщения судебной практики по уголовным делам, связанных с хищением нефтепродуктов, рассмотренных судами Самарской области в 2014 году. // СПС «Консультант плюс».

жилище, в содеянном отсутствует квалифицирующий признак проникновения (например, п. "а" ч. 3 ст. 158 УК РФ).

С учетом распространенности преступных посягательств на собственность граждан в форме кражи особую актуальность приобретает обеспечение законности процессуальных решений по сообщениям рассматриваемой категории. Несмотря на наличие значительного числа разъяснений и комментариев уголовного закона, правоприменители на практике сталкиваются с определенными трудностями, одна из которых - разграничение кражи и находки.

Например, 23 января 2017 г. в УМВД России по г. Тольятти поступило заявление А. о хищении принадлежащей ей шубы стоимостью 185 тыс. руб. Опрошенная в ходе проверки заявительница пояснила, что на непродолжительное время оставила верхнюю одежду в помещении торгового центра, а когда вернулась, обнаружила ее пропажу.

2 февраля 2017 г. следователь по этому заявлению вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое мотивировано тем, что заявительница потеряла шубу в магазине по собственной невнимательности, а действия лица, совершившего кражу, расценены как находка.

Указанное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела прокурором отменено с указанием на необходимость возбуждения уголовного дела.¹⁰⁵

Прокурор счёл, что в действиях лица имеются признаки кражи, поскольку забравший дорогостоящую шубу гражданин, по мнению прокурора, совершил противоправное обращение в свою пользу оставленного имущества.

Как отмечают в своей публикации Ф.Н. Багутдинов и Л.Ф. Валиуллин, говоря о разграничении кражи и находки, в соответствии со ст. 227 ГК РФ нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо,

¹⁰⁵ Материалы правоприменительной практики УМВД России по г. Тольятти

потерявшее ее, или собственника вещи или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу. Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта.¹⁰⁶

В рассматриваемой нами ситуации принадлежащее потерпевшей имущество было оставлено на территории торгового центра, в котором есть администратор, а также сотрудники службы безопасности. Следовательно, лицо, обнаружившее оставленную шубу, объективно имело возможность сообщить им о находке, однако этого не сделало, что может указывать на наличие у него умысла на хищение чужого имущества.

В литературе высказывается позиция, в соответствии с которой, несообщение о находке в помещениях (торговые центры, развлекательные клубы, бары, рестораны, учебные заведения, административные здания и т.д.), а также в транспорте (маршрутные автобусы, такси и т.д.) необходимо квалифицировать как противоправное обращение чужого имущества в пользу виновного, что образует состав преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Иной подход применяется при квалификации действий лица, нашедшего чужое имущество вне помещений и транспорта. В каждом конкретном случае необходимо установить, имело ли лицо реальную возможность сообщить о находке представителям органа местного самоуправления, сотрудникам правоохранительных органов либо иным лицам, как того требует ст. 227 ГК РФ.¹⁰⁷

Если кража всегда совершается путем активных действий, то присвоение находки в основной своей части происходит в форме пассивных действий. Вполне очевидно, что даже при условии квалификации действий лица, присвоившего находку (например, забытую кем-то одежду в помещении торгового центра), как кражи по ст. 158 УК РФ, общественная

¹⁰⁶ Багаутдинов Ф.Н., Валиуллин Л.Ф. Кража или находка - проблемы разграничения // Законность. 2017. №6. С. 46.

¹⁰⁷ Там же. С. 47.

опасность его деяния значительно меньше аналогичных действий лица, укравшего кошелек из кармана покупателя в том же торговом центре.

Стоит вспомнить о том, что в ст. 148.4 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.¹⁰⁸ предусматривалась уголовная ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества. Подобной нормы в современном уголовном законодательстве нет, что, в определённой мере не побуждает граждан к передаче, возврату потерянных вещей собственникам.

Однако, предложение Ф.Н. Багутдинов и Л.Ф. Валиуллин о введении подобной нормы в действующий УК РФ представляется спорным.

В целом, подходы к квалификации действий лица, присвоившего находку двойки. Собственно, позиция, высказанная на данный счёт Ф.Н. Багутдиновым и Л.Ф. Валиуллинным довольно противоречива. В частности, авторы, ссылаясь на положения ст. 227 ГК РФ, регулирующие правила обращения с находкой, оперируют только положениями п. 1 указанной статьи.

В частности, они полагают, что, если вещь найдена в помещении или в транспорте и не передана владельцу этого помещения или транспортного средства, это указывает на наличие у лица умысла на хищение чужого имущества.

Зато, если предмет обнаружен и обращен в свою пользу на улице, подобное, по мнению авторов статьи, преступлением, скорее всего, не будет. Хотя согласно п. 2 ст. 227 ГК РФ, если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестно, нашедший вещь обязан заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления. То есть и в случае обнаружения вещи на улице и присвоения ее лицо также нарушает порядок обращения с находкой.

¹⁰⁸ Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (Вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. №40. Ст. 591.

Однако, даже несмотря на это, представляется, что позиция, в соответствии с которой есть законные основания привлекать лицо, присвоившее находку к уголовной ответственности за кражу, ошибочна. Поскольку не имеет никакого значения, где была утрачена вещь: в помещении, в транспорте, на улице или в ином месте, а равно приняло нашедшее ее лицо какие-либо меры для возвращения ее собственнику (законному владельцу) либо нет, заявило оно о находке в полицию или в орган местного самоуправления или умолчало об этом.

Во всех приведенных случаях, как обоснованно считают А.С. Лукинов и К.О. Малявкин, речь идет именно о «нарушении правил обращения с находкой, в связи с чем содеянное не содержит признаков состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ».¹⁰⁹

Главное здесь, что нарушение правил обращения с находкой (присвоение утраченной или потерянной вещи) не будет являться кражей.

Дело в том, что выбывшая из владения собственника (иного законного владельца) вещь перестает быть «чужой» применительно к понятию хищения.

При этом основным критерием (внешним проявлением деяния) для разграничения находки и кражи является элемент, связанный с выбыванием имущества из обладания законного владельца.

То есть, если лицо не приняло никаких активных действий для утраты вещи собственником (законным владельцем), а лишь присвоило себе потерянную (забытую и т.п.) вещь, то такие действия не преступны.

Указанное правило сформулировано правоприменительной практикой судебных органов и в связи с этим, по нашему мнению, является единственно верным мерилom «преступности» содеянного.

К примеру, апелляционным приговором Липецкого областного суда от 26 февраля 2015 г. отменен обвинительный приговор Елецкого районного

¹⁰⁹ Лукинов А.С., Малявкин К.О. Кража или находка - трудности и заблуждения // Законность. 2017. №10. С. 42.

суда от 20 ноября 2014 г., которым К.О.А. был осужден по п. "а" ч. 2 ст. 158 УК, и он оправдан в совершении указанного преступления за отсутствием в его деянии состава преступления. Также указанным приговором было отменено постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью подсудимого Ф.Б.В., обвиняемого в совершении того же преступления.

В отношении обоих был постановлен оправдательный приговор.

Согласно решению суда первой инстанции К.О.А. совместно с Ф.Б.В. 29 июня 2014 г. незаконно завладели денежными средствами в сумме 2 650 руб., находившимися в кошельке потерпевшей З.А.М., который был ею утерян в их присутствии. После того как потерпевшая уехала на автомобиле, подсудимые забрали из кошелька деньги и распорядились ими по своему усмотрению.

Судебной коллегией облсуда в основу оправдательного приговора было положено то, что при квалификации действий К.О.А. и Ф.Б.В. как тайного хищения чужого имущества, совершенного группой лиц по предварительному сговору, суд не учел, что подсудимые не предпринимали никаких активных действий, направленных на неправомерное изъятие имущества у потерпевшей.

В апелляционном приговоре также были проанализированы положения ст. 227 ГК, регулирующей правоотношения, связанные с находкой.

В итоге коллегия обоснованно пришла к выводу, что лицо, утаившее находку либо не заявившее о ней, не несет уголовную ответственность.

Несомненно, разграничение кражи и находки осуществляется в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств обнаружения лицом вещи, которую оно обращает в свою пользу.

При этом следует иметь в виду, что присвоение оставленной, а не утерянной или забытой вещи является хищением.

Разграничение между оставленной и утраченной (забытой) вещью заключается именно в элементе, связанном с выбытием имущества из обладания собственника.

Так, если при утрате вещи законный владелец не знает о месте ее нахождения, то при оставлении оно ему достоверно известно. И эти обстоятельства - оставления или утраты - должны определяться исходя из конкретных признаков внешней обстановки: где именно и каким образом там находилась вещь.

При этом если из обстоятельств дела однозначно следовало, что вещь оставлена, а не забыта и не потеряна, то присвоившее ее лицо совершило кражу.¹¹⁰

И, хотя порой на практике провести такое разграничение весьма затруднительно, одно бесспорно – при квалификации содеянного (во избежание незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности по ст. 158 УК за нарушение правил обращения с находкой) следует обращать внимание на то, совершало лицо, забравшее вещь, какие-либо активные действия, направленные на выбывание имущества из обладания потерпевшего, или нет.

Далее обозначим отдельные проблемы квалификации мошенничества, а также присвоения и растраты.

Принятое недавно новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» не решило всех имеющихся и обсуждаемых в науке проблем, связанных с квалификацией хищений в форме мошенничества, присвоения и растраты.

Следует согласиться с высказанной в науке точкой зрения¹¹¹, в соответствии с которой Пленуму Верховного Суда РФ стоило бы более чётко охарактеризовать признаки обмана при совершении мошенничества. Представляется, что весьма важным для определения обмана как способа совершения хищения в форме мошенничества является установление факта

¹¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.04.2017 г. №75-УД17-2 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

¹¹¹ Хилота В.В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. 2015. №5. С. 127.

нахождения лица в состоянии заблуждения, передавая имущество преступнику.

Думается, что повышению эффективности правоприменительной практике, связанной с квалификацией деяний, как мошенничеств, будет способствовать дополнение п. 2 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнительным текстом следующего содержания: «Обман или злоупотребление доверием при мошенничестве применяются виновным лицом с целью вызвать у потерпевшего уверенность в выгодности или обязательности передачи ему имущества или права на него».

Данный аспект нельзя не учитывать, поскольку понятие обмана должно иметь определённые границы.

Представляется актуальной проблема отграничения мошенничества от неисполнения гражданско-правового обязательства. Рассматривая данную проблему, следует определить, какие обстоятельства необходимо учесть при невозврате в установленный срок денежных средств, чтобы квалифицировать в действиях лица состав мошенничества. Думается, что если должник отказывается произвести возврат должного, ссылаясь на отсутствие договорного обязательства, как такового, то в наличии уголовно-наказуемое противоправное посягательство на имущество; если же должник не отрицает факт своей обязанности вернуть должное, ссылаясь лишь на невозможность исполнения в конкретный момент времени этого обязательства, то в такой ситуации уголовно-наказуемое посягательство на имущество не происходит.

То есть, если одна из сторон договорного обязательства, принимая на себя такую обязанность заведомо не имеет реальных возможностей и желания исполнить его, речь, безусловно, должна идти о наличии в действиях такого рода мошенничества. Подобной позиции придерживается, например, Л.С. Асимова.¹¹²

¹¹² Асимова Л.С. Незаконное предпринимательство. – СПб., 2002. С. 221.

О заранее обдуманном умысле на завладение имуществом могут, в частности, свидетельствовать такие факты, как: крайне негативное финансовое благосостояние лица, взявшего на себя финансовое обязательство, на момент соглашения; заведомая экономическая нецелесообразность обязательства и т.д. Как подчёркивается Пленумом ВС РФ, «в каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства» (п. 4 Постановления №48 от 30.11.2017 г.)

Рассматривая субъективную сторону хищений, мы уже говорили о существовании нескольких подходов в толковании корыстной цели мошенничества и уточнении Верховным Судом РФ широкого толкования в тексте нового постановления №48 от 30.11.2017 г.: «стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых *не ограничен*».

Представляется, что широкое толкование более приемлемо, так как облегчает правоприменителю возможность привлекать виновных к ответственности. В действительности не должно иметь значения для квалификации, кем именно преступнику доводится лицо (лица), которому (которым) он передаёт похищенное имущество.

Но по данному поводу есть и другая точка зрения. Некоторые авторы считают, что расширительный подход к данному элементу субъективной стороны мошенничества, придавая корыстной цели статуса «хищения в пользу посторонних лиц», можно легко столкнуться с проявлением объективного вменения, так как корыстную цель в таком понимании можно будет выявить в любом неправомерном распоряжении имуществом.¹¹³

¹¹³ Хилюта В.В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. 2015. №5. С. 127.

Таким образом, вопрос оставляет место для дискуссий, однако, представляется правильной конкретизация позиции Верховного Суда РФ в данной проблеме.

В ситуациях, незаконная деятельность преступника состоит из альтруистических или эгоистических поступков, итоговая квалификация преступления будет зависеть от установления причинной связи между деянием и выгодой виновного. Когда такая имущественная выгода вытекает из совершенного деяния, то корыстная заинтересованность виновного не должна вызывать сомнений. Соответственно, корыстную цель необходимо связать с тем, что лицо, совершая хищение, стремится к обогащению (лично или лиц, в благополучии которых он заинтересован).

Представляется, что стоит конкретизировать проблему отчуждения имущества при совершении хищения в пользу организации.

Следует поддержать В.В. Хилюту в предложенных им правилах квалификации хищений имущества в пользу юридического лица:

а) если виновный производит отчуждение имущества (или завладевает имуществом) в пользу юридического лица, участником которого он является или в судьбе которого прямо заинтересован (например, членами данного юридического лица являются близкие родственники виновного), то хищение будет иметь место;

б) виновный производит отчуждение имущества (или завладевает имуществом) в пользу юридического лица исходя из интересов карьеризма, скрыть свою некомпетентность, улучшить работу предприятия и т.д.), то состава хищения не будет, а содеянное должно квалифицироваться в зависимости от обстоятельств по ст. 165, ст. 285 УК РФ.¹¹⁴

Сказанное применимо к любой ненасильственной форме хищения.

¹¹⁴ Хилюта В.В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. 2015. №5. С. 128.

Представляется, что требует разрешения ряд квалификационных вопросов, направленных на единое толкование и применение норм о мошенничестве:

- если лицо несколько раз совершило мошенничество, содержащее признаки только одного из преступлений, предусмотренных ст. 159 - 159.6 УК РФ, и указанные действия были охвачены единым умыслом виновного, то такое деяние следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление, так как совершается одна форма хищения единым способом, содержащая одновидовые способы совершения мошенничества;

- если лицо при совершении хищения использовало поддельную или похищенную карту, в случае когда уполномоченный работник торговой организации не предпринял ничего, чтобы идентифицировать обладателя банковской карты (не затребовал документ, удостоверяющий личность, подпись и т.п.), то такого рода действия образуют мошеннический обман, так как виновное лицо все равно использует обманные действия, направленные на введение в заблуждение работника торговой организации. По сути своей здесь совершается обман действием, и виновный, используя чужую или поддельную карточку, уже рассчитывает на особые условия или обстоятельства, при которых такой обман не удастся распознать или выявить.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о понятии вверенного имущества. Положение п. 18 утратившего силу Постановления пленума ВС РФ № 51 подвергался критике в научных публикациях.¹¹⁵ Полагаем, что определенной корректировке (в части понятия «вверенное имущество») требует и п. 23 нового Постановления Пленума ВС РФ №48.

Проанализировав основные полномочия, на основе наличия которых делается вывод о вверении имущества другому лицу, можно прийти к выводу, что все они поглощаются триадой прав: владения, пользования и распоряжения. В этом отношении п. 23 Постановления Пленума ВС РФ №48

¹¹⁵ Ахмедов Р.У. Оценочные признаки хищения и его форм в уголовном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2013. С. 22.

следует признать не совсем удачным, так как к титульным владельцам имущества можно отнести как собственника, нанимателя, хранителя, комиссионера, так и других лиц, у которых вещь находится во владении по договору или на иных законных основаниях.

С другой стороны, существующая правоприменительная практика довольно наглядно демонстрирует проблему установления надлежащих полномочий при присвоении или растрате и характеризует этот вопрос как довольно острый в контексте отграничения присвоения (растраты) от иных форм хищений. Без надлежащего оформления акта передачи имущества довольно трудно установить, действительно ли лицо было наделено полномочиями пользования по переданному имуществу или совершало некие «технические» операции с этим имуществом, не обладая никакими полномочиями. Решить данную проблему легче, если речь идет о трудовых (служебных) отношениях, но если затрагивается область гражданско-правовых и иных отношений, то здесь уже сложнее определить полноту совершаемых действий и их правомерность относительно переданного владельцем имущества.

Наличие определенных правомочий предполагает, что субъект может осуществлять определённые манипуляции с имуществом в интересах передавшего его собственника, но сам факт предоставления вещей, например, для производства работ, совсем не значит, что такое имущество было вверено. Однако при той же доставке или хранении имущества лицо может быть наделено некими полномочиями, а может просто иметь доступ к этому имуществу. Если же принять во внимание позицию сегодняшних криминалистов, что при вверении имущества не обязательно документальное оформление переданных полномочий, то тогда практически невозможно ответить на вопрос: осуществляло ли лицо «пассивное владение» (без наделения полномочиями) имуществом или же имело полномочия по этому имуществу?

В рассматриваемой ситуации можно предложить следующие критерии разграничения составов преступлений:

1) при наличии трудовых отношений между собственником и лицом, имущество которому передано с наделением полномочий, такое будет считаться вверенным, и ответственность наступать по ст. 160 УК РФ;

2) при передаче имущества в силу иных правовых отношений (в том числе гражданско-правовых) имущество будет являться вверенным в случае документального факта передачи имущества и предоставления собственником полномочий по имуществу;

3) если имущество передано без документального оформления, то похитившее его лицо должно нести ответственность за злоупотребление доверием (ст. 159 УК РФ), однако если имущество передано материально-ответственному лицу, ответственность должна наступать по ст. 160 УК РФ с момента передачи имущества.

Обсуждаемым в науке является вопрос, связанный с проблемами квалификации действий лица при осуществлении мошеннического присвоения материальных ценностей посредством оказания магических услуг, гадания и ворожбы. Данный вид мошенничества по-прежнему актуален. Здесь необходимо учитывать, что само оказание подобных услуг, связанных с предсказанием судьбы и взимание за это оплаты не является преступным и наказуемым. Представляется, что не образует состав мошенничества получение денежных средств в том случае, когда лицо расплачивается за процедуру гадания, как за услугу. Однако, когда для совершения обряда ворожбы с лица истребуется некое ценное имущество, без которого, якобы невозможен положительный исход гадания, а затем они похищаются «божественным» лицом, то криминальные характер ворожбы несомненны.

В ряде ситуаций лицо, используя обман, значительно выходит за рамки первоначальной договоренности о стоимости «сеанса», оказывая на потерпевшего активное психологическое воздействие, предрекая, к примеру,

гибель ему и его близким в случае отказа передать за услугу гадания соответствующей оплаты. Данный способ наиболее характерен для совершения такого рода мошенничества цыганами. Степень психологического воздействия в некоторых случаях столь велика, что потерпевший, выполняет требование мошенника, не осознавая себя и не помня в дальнейшем самого факта передачи денег или иных ценностей.

По мнению Н.А. Лопашенко, «если экспертиза подтверждает подобное воздействие виновного на потерпевшего, здесь нужно ставить вопрос о принципиально иной квалификации содеянного, а именно об открытом насильственном завладении имуществом, т.е. о насильственном грабеже. Конечно, это не безупречная квалификация».¹¹⁶

Следует отметить очередной шаг законодателя, направленный на совершенствование нормативной регламентации ответственности за мошенничество, предпринятый в июле 2016 г., в ходе которого ст. 159 УК РФ была дополнена рядом квалифицированных составов мошенничества, связанного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. ч. 5-7 ст. 159 УК РФ).

Таким образом, в УК РФ был возвращен состав мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ранее действовавшая ст. 159.4), который был признан не соответствующим Конституции РФ Постановлением Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 г. №32-П.¹¹⁷

Основным доводом в пользу признания данной нормы нелегитимной послужил необоснованный разрыв в пенализации простого и специального видов мошенничества, особенно в случаях хищения имущества в крупном и особо крупном размере. При принятии уголовного закона предполагалось

¹¹⁶ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к Уголовному закону (Раздел VIII УК РФ) (постатейный). – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 58.

¹¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 г. №32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СЗ РФ. 2014. №52 (часть I). Ст. 7784.

исключить это противоречие, но на практике перекоп в наказуемости мошенничества лишь изменил свой вектор.

Начнем с того, что закрепление специального вида мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в числе так называемых квалифицированных признаков состава ст. 159 УК РФ противоречит юридико-техническим требованиям построения норм и существенно затрудняет квалификацию деяния.

В частности, открытым остается вопрос о том, как необходимо квалифицировать мошенничество, сопряженное с преднамеренным невыполнением договорных обязательств, если это деяние не повлекло причинение значительного ущерба, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Если бы мошенничество в сфере предпринимательской деятельности было бы структурно выделено в отдельный состав преступления, вопрос решался бы в рамках конкуренции общего и специального составов.

Однако в случае закрепления признаков мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в структуре простого состава этот вывод не кажется столь уж однозначным. Как указывает Э.Л. Сидоренко, для принятия правильного решения следствие и суд должны «домысливать» ситуацию, отходить от традиционной трактовки структуры нормы и искать решения на основе интуитивного понимания желаний законодателя.¹¹⁸

Очевидно, что такое положение вещей не может быть признано приемлемым. Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ, «любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия)».¹¹⁹

¹¹⁸ Сидоренко Э.Л. Некоторые вопросы квалификации хищений в свете последних изменений УК РФ // Мировой судья. 2017. №3. С. 23.

¹¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. №8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Рос. газ. 2008. 7 июня.

Сомнения вызывает не только степень общественной опасности данного деяния, но и содержательная характеристика его объективной стороны. В первую очередь это касается трактовки признака «преднамеренное неисполнение договорных обязательств»".

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. №48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»¹²⁰ под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на такое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации.

Вопрос состоит лишь в том, насколько внимательно судебная практика относится к определению направленности преднамеренного неисполнения договорных обязательств именно на хищение имущества.

Как известно, материальным последствием преднамеренного неисполнения договорных обязательств может быть не только неправомерное изъятие имущества, но и неполученные доходы, которые потерпевший предполагал получить при условии надлежащего исполнения виновным своих обязательств по договору (упущенной выгоды).

В этом случае действия виновного не могут быть квалифицированы по ч. 5 ст. 159 УК РФ, поскольку совершенное деяние не является хищением. Оно должно квалифицироваться как причинение имущественного ущерба

¹²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. №48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №1, январь, 2017.

путем обмана или злоупотребление доверием (ст. 165 УК РФ) при условии, что упущенная выгода составила более 250 тыс. рублей.

Налицо заметная асимметрия в правовой оценке деяний: если преступник путем обмана приобретает право на чужое имущество в размере 10 тыс. рублей вследствие преднамеренного неисполнения договорных обязательств, его действия квалифицируются по ч. 5 ст. 159 УК РФ и предусматривают наказание в виде штрафа в размере до 300 тыс. рублей либо лишения свободы до 5 лет.

Если же при прочих равных условиях причиняется вред в виде упущенной выгоды на сумму 10 тыс. рублей, лицо подлежит административной ответственности по ст. 7.27.1 в виде штрафа в размере до пятикратной стоимости причиненного ущерба.

Мы видим, что в данном случае штрафные санкции в шесть раз ниже, чем при хищении аналогичной суммы. Очевидно, что столь существенный диссонанс в пенализации равных по общественной опасности деяний вряд ли можно считать обоснованным.

Сложным в правоприменительной деятельности является и вопрос о правовой оценке деяний, одновременно подпадающих под признаки нескольких видов мошенничества.

Рассмотрим в качестве примера мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в страховой деятельности, выразившееся в занижении размера страхового возмещения.

Поскольку страховая деятельность является предпринимательской, в данном случае конкурируют ч. 5 ст. 159 и ст. 159.5 УК РФ. В соответствии с общими правилами квалификации при конкуренции общего и специального состава предпочтение будет отдаваться специальному составу.

Однако в рассматриваемом нами случае наблюдается явное противоречие в правовой оценке мошенничеств.

Если деяние сопряжено с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности в целом, оно будет

признаваться уголовно наказуемым только в случае причинения значительного ущерба. Если же речь идет о совершении аналогичных деяний в сфере страхования со стороны представителя страховой компании, сумма причиненного ущерба не влияет на признание деяния преступным.

Имеются разночтения и в оценке крупного и особо крупного размеров. Если в ч. ч. 6 и 7 ст. 159 УК РФ они составляют 3 и 12 млн рублей соответственно, то в ст. 159.5 УК РФ - 250 тыс. и 1 млн рублей.

В этой ситуации суды поставлены перед трудным вопросом о характере конкуренции данных норм. Если исходить из того, что нормы ч. ч. 6 - 7 ст. 159 и ст. 159.5 УК РФ соотносятся друг с другом как общий и специальный составы, применяться должна ст. 159.5 УК РФ. Если же мы рассматриваем их сквозь конкуренцию привилегированного и особо привилегированного состава, предпочтение должно быть отдано ч. ч. 6 - 7 ст. 159 УК РФ.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует проблема с квалификацией деяний организаторов всевозможных финансовых пирамид. Не всегда подобная деятельность может быть обоснованно квалифицирована как хищение в форме мошенничества в связи с отсутствием необходимых признаков обмана и прямого умысла, который направлен на хищение имущества, что следует из серии уголовных дел, возбужденных по фактам афер на рынке долевого строительства жилья. Варианты квалификации подобных деяний как незаконной банковской деятельности также далеко не всегда безупречны. Таким образом, можно констатировать наличие правового пробела в нормах УК РФ, который создаёт препятствия в эффективном противодействии посягательствам подобного рода, что подрывает доверие граждан к инвестиционным институтам и препятствует, в конечном итоге, поступательному экономическому развитию регионов.¹²¹

¹²¹ Курбанова Д.Н. Финансовые пирамиды как вид мошенничества. // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып. 2. - Махачкала, 2013. С. 137.

Присвоение и растрату чужого имущества следует отграничивать от кражи. Основным разграничивающим признаком данных форм хищения будет отношение виновного к предмету преступления. При присвоении или растрате имущество вверено виновному, находясь в его правомерном владении, при этом, он наделен в отношении данной собственности определенными правомочиями. При краже виновное лицо не имеет к предмету преступления никакого правового отношения, либо получает к имуществу лишь допуск для выполнения каких-либо технических функций, не порождающих каких-либо правомочий по владению, пользованию, распоряжению. В такой ситуации, хищение имущества, совершенное комбайнером, убирающим урожай, рабочим предприятия с территории завода, грузчиком со склада и т.д. подлежит квалификации как кража.

3.2. Проблемы квалификации преступлений против собственности, не связанных с хищением чужого имущества

В правоприменительной практике не мало проблем, связанных с квалификацией преступлений против собственности, не связанных с хищением чужого имущества.

Как уже было отмечено в рамках классификаций составов преступлений против собственности, к числу преступлений против собственности, не связанных с хищением чужого имущества, относят:

- вымогательство (ст. 163 УК РФ);
- причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ);
- неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ);
- умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ);

- уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

Рассмотрим отдельные проблемы, связанные с квалификацией некоторых деяний, относящихся к вышеназванному ряду.

До настоящего времени в юридической литературе, а также судебной практике не выработано единого подхода к квалификации вымогательства, осуществляемого под угрозой распространения сведений о совершенном лицом правонарушении, преступлении либо аморальном поступке. Дискуссия по данному вопросу связана с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»¹²². Так, в пункте 12 Постановления Пленума ВС РФ №56 указывается, что «под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка)».

Похожие по описанию способы вымогательства - шантаж, принуждение, в некоторых случаях даже без указания на необходимость причинения существенного вреда законным интересам потерпевшего, - содержатся помимо ст. 163 и в других статьях УК РФ (133, 179, 185.1, 283.1, 302, 304, 309 и пр.), однако юридическая оценка содержания угрозы не во всех случаях является одинаковой и, соответственно, требует учета при квалификации.

Указанные признаки не всегда одинаково оцениваются, так как не в полной мере позволяют однозначно определить наличие либо отсутствие признаков состава вымогательства. Так, Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов считают, что «позорящими являются сведения о любых противоправных, аморальных и других неблагоприятных поступках потерпевшего либо его

¹²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2016.

близких»¹²³. В то же время большинство авторов ссылается на положения, толкующие признак угрозы вымогательства, требующей причинения вреда законным правам и интересам граждан (потерпевших).

Показательным в этом плане является Постановление Президиума ВС РФ от 21.03.2001 г. №1039п2000 о прекращении уголовного преследования по ст. 163 УК РФ в отношении лиц, которые требовали (и получили) за неразглашение сведений о совершенном лицом разбойном нападении 6 тыс. долларов. В Постановлении указывалось, что «диспозиция статьи 163 УК РФ определяет вымогательство как требование передачи чужого имущества под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего. Таким образом, возможное разглашение сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права Б. и Р. либо причиняющим вред их правоохраняемым, т.е. законным, интересам»¹²⁴.

В этой связи возникает вопрос: можно ли рассматривать угрозу сообщения информации о совершенном административном правонарушении или преступлении приемлемой для вменения состава вымогательства либо эта угроза должна быть связана только с охраняемой законом информацией, распространение которой может причинить вред правам и законным интересам потерпевшего?

В практической плоскости это приводит к сложностям квалификации деяния и появлению возможности уклонения от уголовной ответственности за него либо его неадекватной оценке.

Вызывает сомнение квалификация действий подозреваемых в следующей ситуации: Директор и главный редактор одного из медиа-ресурсов были привлечены к уголовной ответственности по ст. 204 УК РФ. В декабре 2012 года депутату Волгоградской областной думы стало известно о

¹²³ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. - М., 2001. С. 121.

¹²⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2001 г. №1039п2000 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

том, что на одном из интернет-сайтов опубликована не соответствующая действительности информация, порочащая его честь и достоинство. Решив выяснить обстоятельства появления этих сведений, депутат договорился о встрече с директором и главным редактором этого электронного СМИ. В ходе состоявшегося разговора подозреваемые пояснили, что для удаления публикации и получения гарантии неразмещения ее в дальнейшем мужчине необходимо ежемесячно передавать им 40 тыс. рублей. Опасаясь подрыва своей репутации, депутат согласился и передал журналистам 80 тыс. рублей¹²⁵.

Представляется, что в подобных ситуациях присутствует требование передачи имущества под угрозой распространения порочащих сведений (в том числе о совершенном лицом аморальном либо противоправном поступке); субъектами вымогательства могли выступать любые лица, а не только специальные субъекты; непосредственное завладение имуществом происходило в условиях, когда «потерпевшие» осознавали, за что они передают деньги, и желали сохранения в тайне данной информации (т.е. их не обманывали).

Представляется, что в случаях совершения большинства хищений в той либо иной мере зачастую присутствует обман относительно различных деталей происходящего, например для сокрытия следов преступления и самих преступников. Даже при наличии обмана в каких-то деталях вымогательство совершается посредством требования передачи денег (ценностей) именно под угрозой распространения сведений о совершенном лицом поступке, порочащем его честь и достоинство, и потерпевший осознанно передает денежные средства за сохранение данной информации в тайне.

Необходимо обратить внимание, что согласно разъяснениям ВС РФ при вымогательстве не обязательно, чтобы распространяемая информация объективно обладала позорящими свойствами. Достаточно лишь

¹²⁵ <https://sledcomrf.ru/news/73097-predstaviteli-odnogo-iz-internetsaytov.html>

субъективного восприятия потерпевшим такой угрозы. К примеру, лицо может заблуждаться относительно юридической оценки совершенного им деяния, однако его убеждают в преступности и аморальности данного поступка. В этом случае именно субъективное восприятие потерпевшим угрозы выступает в роли основного побудительного мотива совершения преступления. Имеющийся при этом обман фактически не должен оказывать принципиального значения на квалификацию действий лица как вымогательства.

Нетрадиционные формы угрозы присутствуют и в других случаях, однако это не мешает квалифицировать действия виновных по ст. 163 УК РФ. Например, в случае блокирования компьютера с помощью специальной вирусной компьютерной программы с последующим требованием передать деньги под угрозой уничтожения имеющейся на компьютере информации либо угрозой передать данные о посещенных пользователем сайтах в сети Интернет. Данные действия в судебной практике принято квалифицировать как вымогательство, несмотря на отсутствие прямого указания на угрозу уничтожения информации в диспозиции ст. 163 УК РФ¹²⁶.

Аналогичным образом квалифицируется и требование денег у лица за возвращение возможности пользоваться ресурсом в сети Интернет, после того как контроль над ним был утрачен, например, в результате организации атаки на определенный сервер.

В указанных случаях, на наш взгляд, принципиальным является наличие самого требования передачи имущества, подкрепленного угрозой противоправного характера, что не должно оставаться безнаказанным. В противном случае такого рода вымогательство будет выгодно обеим сторонам: и вымогателю, действия которого формально не будут подпадать под признаки наказуемого деяния, и самому правонарушителю, который заинтересован в нераспространении сведений о его противоправных

¹²⁶ Лопатина Т.М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж // Журнал российского права. 2015. №1. С. 118

поступках. Например, если лицо требует денег (имущества и т.д.) под угрозой передачи сведений о совершенном преступлении в правоохранительные либо другие органы, в сферу компетенции которых входит рассмотрение такой информации, и это требование является именно угрозой распространения сведений. Подобные действия, по мнению некоторых авторов, не подпадают под распространение позорящих сведений, и хотя сведения о совершении правонарушения являются «позорными», они становятся достоянием не общества, а органов государственной власти, которые оценивают их не с обыденной, а с профессиональной точки зрения¹²⁷.

В случае же с вымогательством за нераспространение сведений о совершенном лицом преступлении (правонарушении) фактически не причиняется вред законным правам и интересам в связи с тем, что отсутствует само по себе право на сохранение такой информации в тайне. Так, информация о совершенных преступлениях и правонарушениях может стать известной лицу не только в связи с осуществлением им полномочий должностного лица, но и по иным причинам: в связи с журналистской деятельностью, участием в общественной работе и т.д.

Показательными являются случаи проведения «проверок» на различных предприятиях с целью выявления недостатков либо «проверочных закупок» в местах продажи алкогольной продукции для установления факта продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, после чего преступники выдвигают требования о передаче денег под угрозой распространения данных сведений.

При этом если преступники выдают себя за должностных лиц либо представителей общественных организаций, в некоторых случаях их действия квалифицируются следственными органами как мошенничество. Учитывая особенности уголовно-процессуального законодательства,

¹²⁷ Крюков А.А., Перетяцько М.Н. Некоторые вопросы квалификации вымогательства // Сибирский юридический вестник. 2000. №2. С. 32.

запрещающего переквалификацию преступления непосредственно в ходе судебного разбирательства на более тяжкое, как правило, суды, даже установив признаки вымогательства, выносят решение о квалификации действий по ст. 159 УК РФ, что, на наш взгляд, является не совсем верным.

Если же лицо не только требует передачи имущества, но и, получив денежное вознаграждение, выполняет обещанные действия по сокрытию преступления либо дает заведомо ложные показания, то его действия, на наш взгляд, содержат признаки состава преступления, предусмотренного не только ст. 163 УК РФ, но и статьями 307 и 316 УК РФ (при наличии всех иных необходимых признаков соответствующих деяний). При этом необходимо учитывать, что ответственность за данные преступления имеет существенные различия. Так, основной состав ст. 159 УК РФ предусматривает наказание до 2 лет лишения свободы, в то время как вымогательство (даже по основному составу ст. 163 УК РФ) влечет наказание до 4 лет лишения свободы. Части 4 и 3 данных статей, содержащие одинаковые квалифицирующие признаки – «в особо крупном размере», «совершенные организованной группой», - предусматривают наказания соответственно до 10 лет (ст. 159 УК РФ) и до 15 лет (ст. 163 УК РФ) лишения свободы. Такая существенная разница в наказаниях предполагает отнесение их к разным категориям преступлений и, соответственно, различные правовые последствия.

Более того, отличие в моментах окончания данных деяний влечет и разные условия привлечения виновных к уголовной ответственности. Так, в случае отказа лица выплачивать деньги вымогателям, использующим обман, последние могут быть привлечены к ответственности только за покушение на мошенничество, и наказание их в таком случае не превысит 3/4 от предусмотренного санкцией статьи срока. В то же время вымогательство, даже в случае отказа выплачивать деньги, будет считаться уже оконченным. При этом по срокам наказание может отличаться более чем в 2 раза, в то время как объективные признаки обоих деяний фактически не отличаются.

Примечательно, что аналогичные действия должностных лиц квалифицируются именно как вымогательство взятки (ч. 5 ст. 290 УК РФ) либо предмета коммерческого подкупа (ч. 2 ст. 204 УК РФ) только в том случае, если потерпевший фактически не совершал правонарушения и был вынужден соглашаться на требования для защиты своих законных интересов.

Как представляется, преобладающее значение имеет не сам факт обмана, а наличие требований, подкрепленных угрозой. При этом, как верно отмечает П.С. Яни, «угроза, по замыслу виновного, должна оказать воздействие на потерпевшего, который в результате передаст свое или находящееся в его ведении либо под его охраной имущество, передаст право на имущество (также не обязательно, чтобы субъектом такого права был сам потерпевший), совершит иные действия имущественного характера в пользу виновного»¹²⁸.

Справедливо и утверждение Т.Р. Тагиева о том, что «вопрос о том, являются ли оглашаемые сведения позорящими, должен быть разрешен, руководствуясь взглядом на это самого потерпевшего. Лишь то значение, которое придавал им потерпевший, а не другие лица, может оказать устрашающее воздействие на него и принудить к передаче вымогателю соответствующих материальных выгод»¹²⁹.

Представляется, что формулировка относительно необходимости «существенного нарушения прав либо причинения вреда правоохраняемым (законным) интересам»¹³⁰ заимствована из практики применения норм о взяточничестве и коммерческом подкупе.

Стоит обратить внимание, что признак причинения вреда правам или законным интересам потерпевшего либо его близких трактуется ВС РФ применительно к распространению иных сведений, составляющих охраняемую законом тайну, в то время как информация о совершенном

¹²⁸ Яни П.С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. 2015. №11. С. 40.

¹²⁹ Тагиев Т.Р. Шантаж как способ совершения вымогательских действий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. №11. С. 65.

¹³⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2001 г. №1039п2000 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

лицом правонарушении либо аморальном поступке не составляет охраняемую законом тайну и относится к категории сведений, позорящих потерпевшего или его близких (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ №56). Данные сведения, естественно, не относятся к категории семейной либо государственной тайны, следовательно, их передача правоохранительным органам не причиняет вреда законным интересам правонарушителя.

Учитывая, что сведения о совершенном лицом правонарушении (в том числе и преступлении как разновидности правонарушения) не относятся к охраняемой законом тайне и носят несомненно позорящий характер, т.е. характеризуют лицо в негативном свете, угроза распространения указанных сведений должна рассматриваться как составная часть (один из признаков) объективной стороны вымогательства.

Наличие какого-либо обмана в ходе совершения вымогательства не означает, что данное деяние должно расцениваться как мошенничество. Так, обман может касаться следующих аспектов происходящего:

- является ли совершенное лицом (потерпевшим либо его близкими) деяние преступлением (административным проступком) или не является таковым. В условиях изменения уголовного и административного законодательства, а также наличия составов преступлений с административной преюдицией и другими юридическими конструкциями вопрос относительно признания деяния преступлением либо административным проступком не всегда очевиден даже лицам, имеющим юридическое образование;

- является ли лицо (вымогатель) субъектом, наделенным полномочиями по привлечению к уголовной (административной) ответственности, и т.д.;

- планирует ли вымогатель скрывать факт совершения правонарушения (аморального поступка) либо собирается предать его огласке.

На наш взгляд, неверное представление потерпевшего о перечисленных обстоятельствах не может свидетельствовать о мошенническом способе завладения имуществом, так как фактически отсутствует добровольное

желание потерпевшего передать имущество (право на имущество), но присутствует требование передачи чужого имущества, подкрепленное угрозой распространения сведений (которое в дальнейшем, по мнению потерпевшего, повлечет для него неблагоприятные последствия). Именно требование и угроза, на наш взгляд, должны выступать в роли решающих признаков при отграничении указанных составов преступления.

Как мошенничество должны квалифицироваться только те деяния, при которых имелось добровольное желание потерпевшего передать имущество под воздействием заблуждения.

Необходимо также учитывать тот факт, что лица, требующие передачи им денежных средств за сокрытие факта совершенного преступления, правонарушения, своими действиями причиняют вред не только праву собственности потерпевшего, но и интересам правосудия, порядку управления в государстве и другим общественным благам, так как фактически способствуют уклонению от ответственности лиц, совершивших преступление (правонарушение). Тем самым создается ситуация повышения уровня латентности преступлений, так как лицо, совершившее преступление (правонарушение), становится, как это ни парадоксально, «заинтересованным» в совершении в отношении его такого вымогательства, при котором сведения останутся в тайне и не будет стимула обращения в правоохранительные органы. Ненаказуемость подобных деяний выгодна как вымогателям, так и «потерпевшим» в связи с тем, что обе стороны имеют свой интерес: вымогатель - деньги, а «потерпевший» - сохранение в тайне факта совершения им преступного деяния либо административного правонарушения.

Кроме того, становятся незащищенными имущественные права потерпевшего. Несмотря на аморальность и противоправность ранее совершенного поступка и обязанность претерпевать связанные с этим фактом правовые последствия, само по себе требование передачи чужого имущества

является незаконным, и предшествующие ему действия не могут означать недопустимость вмешательства со стороны государства.

Мошеннические действия могут образовывать только случаи получения имущества за обещание не выполнять функции должностного лица (либо обязанности управленца в коммерческой либо иной организации), когда лицо заведомо не планировало выполнять взятые на себя обязательства.

Учитывая, что в анализируемых ситуациях формирование состава преступления основывается на необходимости защиты интересов собственника имущества, можно провести аналогию с устоявшейся практикой квалификации по ст. 159 УК РФ случаев сбыта под видом наркотических муки, зубного порошка и т.д. либо передачи денег в качестве взятки лицу, фактически не обладавшему полномочиями должностного лица. Несмотря на то, что в указанных ситуациях лицо (покупатель, взяткодатель) неправоммерно распоряжается своим имуществом и его законным правам не причиняется вреда, это не исключает противоправности посягательства на право собственности. Подтверждением тому служит тот факт, что действия лиц квалифицируются как покушение на незаконное приобретение наркотических средств либо покушение на дачу взятки и имущество (предмет взятки) подлежит конфискации.

Представляется, что общественная опасность вымогательства связана с противоправностью самих требований передачи чужого имущества (прав на имущество), вне зависимости от того, обладает ранее совершенное потерпевшим деяние признаками общественной опасности либо общественной вредности (аморальности) или нет. Значение имеет субъективное понимание потерпевшим реальности выдвигаемого требования и угрозы распространения сведений. При этом сведения могут касаться различных аспектов жизни человека – как преступных деяний, так и правомерных поступков, информация о которых, по мнению потерпевшего, может причинить ему вред.

Учитывая наличие вышеописанных проблем квалификации смежных составов преступлений, в настоящее время требуется выработка единого подхода к квалификации вымогательства, осуществляемого под угрозой распространения сведений о совершенном лицом аморальном либо противоправном поступке.

В целях закрепления единообразного применения уголовного законодательства считаем необходимым закрепить на уровне руководящих разъяснений Пленума ВС РФ следующее правило: «Требование передачи имущества, подкрепленное угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, даже сопровождающееся обманом относительно субъекта требования, юридической либо общественной оценки ранее совершенного потерпевшим поступка и других обстоятельств, должно квалифицироваться как вымогательство».

Кроме того, в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ №56 следует уточнить, что к сведениям, позорящим потерпевшего или его близких, следует относить, наряду с данными о совершении правонарушения, аморального поступка, также и сведения о совершенном преступлении.

Формирование подобной практики позволит адекватно оценивать характер и степень общественной опасности совершенного деяния, противодействовать латентности преступлений и будет способствовать проявлению нетерпимости к случаям сокрытия информации о совершаемых преступлениях и подчеркивать выгодность правопослушного поведения.

Основной практической проблемой применения ст. 165 УК РФ видится то, что указание в ней на собственника или владельца имущества, которым при совершении преступления должен быть причинен имущественный ущерб, существенно сужает пределы действия данной нормы. Если лицо удерживает у себя имущество собственника, то содеянное образует не причинение имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ), а хищение вверенного имущества (если при этом принимаются меры по обращению имущества в пользу виновного). Если лицо лишь заведомо нарушает срок возврата

переданного ему собственником индивидуально определенного имущества, но не собирается оставлять его насовсем, присваивать, то ответственность по ст. 165 УК РФ возможна, но лишь в случае, если будет установлено, что крупный ущерб причинен именно несвоевременным исполнением обязательств по возврату имущества (в отсутствие извинительных причин для невозврата), а такой ущерб, как правило, исчислить довольно сложно.

Когда лицо не исполняет обязательства по возврату кредита, то квалификация по ст. 165 УК невозможна, поскольку если умысел на непогашение «тела» кредита возник еще до получения средств по договору, содеянное образует состав мошенничества, а если возник после получения этих средств, то, стало быть, кредит получен правомерно, средства перешли в собственность лица, ставшего должником (ст. ст. 807, 819 ГК РФ), а потому по отношению к имуществу должника, из которого им не исполняется обязанность по погашению кредита, кредитор не является ни собственником, ни владельцем.

По мнению П.С. Яни выходом из сложившейся ситуации могло бы стать изменение ст. 165 УК РФ, посредством исключения из данной статьи указания на потерпевшего как собственника или владельца имущества. В таком случае, резюмирует автор, «комментируемым составом оказались бы охвачены случаи умышленного - то есть при наличии возможности исполнить - неисполнения имущественных обязательств в крупном размере, поскольку всякое такое неисполнение можно представить как бездействие (возможно, сопряженное с некими действиями), причинившее крупный ущерб (совершенное в крупном размере) посредством злоупотребления доверием кредитора. Сейчас же подобное, если следовать строгому толкованию нормы, невозможно»¹³¹.

¹³¹ Яни П.С. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Законность. 2017. №11. С. 37.

На практике возникает ряд трудностей в квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ).

В частности, возникают вопросы, связанные с квалификацией угона в совокупности с иными преступлениями. Для правильного толкования данного спектра проблем, необходимо обратиться к тексту Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»¹³².

«Если лицо, совершившее угон транспортного средства без цели хищения, наряду с этим похищает находящееся в нем имущество, содеянное подлежит квалификации по статье 166 и соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за хищения» (п. 22 Постановления №25).

Угон, сопряженный с разбойным завладением личным имуществом водителя, оценивается Верховным Судом РФ также как совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 166 и 162 УК РФ¹³³.

Также следует обратить внимание и на более общие разъяснения Верховного Суда РФ, касающиеся проблемы совокупности преступлений.

«Неправомерное завладение транспортным средством с целью облегчить совершение другого преступления, если у лица отсутствовала цель обратить транспортное средство в свою пользу или в пользу другого лица, надлежит квалифицировать по ст. 166 и по совокупности по соответствующим статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим

¹³² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2009.

¹³³ Обзор законодательной и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2005 года // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

ответственность за совершение иных преступлений» (п. 29 Постановления №25).

Аналогично оцениваются случаи угона, совершенного в целях сокрытия другого преступления.

С социально-правовой стороны предмет угона - автомобиль или иное механическое транспортное средство. Особенность предмета угона состоит в том, что он относится к группе источников повышенной опасности. В связи с этим, как представляется, к предмету угона оправданно не относятся немеханические транспортные средства. Исходя из п. 21 Постановления №25 не являются предметом предусмотренного ст. 166 УК РФ преступления велосипеды, самокаты, гребные лодки, гужевого транспорт (гужевые повозки и сани, верховые и вьючные животные), инвалидные коляски и т.п. в силу, как представляется, неочевидной связи с источниками повышенной опасности.

Так, Павловским районным судом Алтайского края К. признан виновным в неправомерном завладении гужевой повозкой без цели хищения. Верховным Судом РФ приговор в отношении К. отменен, а уголовное дело прекращено за отсутствием в его деянии состава преступления. Этот вывод надзорной инстанции обоснован тем обстоятельством, что в силу ст. 166 УК РФ предметом данного преступления является автомобиль или иное самоходное транспортное средство. При этом основным признаком транспортного средства как предмета преступления, предусмотренного указанной статьей, является наличие механического или электродвигателя. Эти средства должны приводиться в движение не мускульной силой человека или животных, а двигателем и подлежать обязательной регистрации в специальных государственных органах. Гужевая повозка таким транспортным средством не является¹³⁴.

¹³⁴ Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2005 г. №51-Д05-33 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

Также следует обратить внимание на то, что к предмету угона наука и судебная практика относилась только помимо автомобилей и мотоциклов всех видов и любого назначения предметом угона могут быть только такие механические транспортные средства, которые приводятся в движение двигателем с рабочим объемом не менее 50 кубических сантиметров. После внесения соответствующих изменений в Правила дорожного движения¹³⁵ Постановлением Правительства РФ от 22.03.2014 г. №221¹³⁶, для ограничительного толкования понятия «механическое транспортное средство» исчезли основания: «Механическое транспортное средство» - транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Термин распространяется также на любые тракторы и самоходные машины» (п. 1.2. Правил дорожного движения).

Следовательно, мопеды, велосипеды с подвесным двигателем, мокики и другие транспортные средства с аналогичными характеристиками охватываются в настоящее время предметом преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ.

Также представляется правильной квалифицировать по ст. 166 УК РФ неправомерное завладение неисправным транспортным средством или транспортом, который не имеет основных частей или деталей, конструктивно предназначенных для обеспечения его нормального функционирования (к примеру, у автомобиля отсутствует двигатель, тормозная система, одно или несколько колес, дисков, шин и пр.). Подобное деяние следует квалифицировать как угон, если виновный имел намерение совершить поездку на нем, отремонтировав или доукомплектовав противоправно перемещенный им транспорт.

Здесь же уместно указать на существующий пробел в уголовном законодательстве в части ответственности за угон военного транспорта.

¹³⁵ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. №1090 «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. №47. Ст. 4531.

¹³⁶ Постановление Правительства РФ от 22.03.2014 г. №221 «О внесении изменений в постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. №1090» // СЗ РФ. 2014. №14. Ст. 1625.

Названное общественно опасное деяние посягает прежде всего на интересы военной службы и обороноспособности Российской Федерации, а попутно - на отношения собственности. В настоящее время такого рода случаи квалифицируются по аналогии с имущественными преступлениями как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения.

Так, рядовой Х., будучи в суточном наряде по КПП войсковой части, обратил внимание на припаркованный автомобиль марки УАЗ, являющийся служебным транспортным средством военной прокуратуры Самарского гарнизона. Увидев, что доступ в салон автомобиля свободен, имеются ключи зажигания, военнослужащий Х. запустил двигатель и с целью «прокатиться» выехал за пределы воинской части. Когда в пути двигатель угнанного военного транспортного средства остановился, виновный после неудачных попыток запустить его бросил автомобиль на улице и скрылся. Самарским гарнизонным военным судом действия Х. квалифицированы по ч. 1 ст. 166 УК РФ¹³⁷.

Устанавливая уголовную ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества, законодатель в качестве конститутивного признака данного деяния указывает значительный ущерб, который причиняется уничтожением или повреждением чужого имущества.

Давая разъяснения о квалификации по ст. 167 УК РФ, Пленум указал: «При решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например, в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица,

¹³⁷ Уголовное дело №1-11/2013 // Архив Самарского гарнизонного военного суда за 2013 год.

являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества»¹³⁸.

Таким образом, Пленум указывает не только на стоимостной критерий значительности ущерба, поэтому практика, как показывает ее обобщение, исходит из сопоставления стоимости уничтоженного имущества либо работ по восстановлению вещи, с одной стороны, и имущественного положения потерпевшего - с другой.

Так, обвинительный приговор отменен на том основании, что при определении значимости ущерба не дана оценка материальному положению потерпевшей, которая владеет тремя магазинами, имеет совокупный месячный доход в сумме (данные исключены при опубликовании решения) рублей, также не дана оценка характеру повреждения в виде потертости и царапин со смещением с места крепления и повреждения лакокрасочного покрытия накладки омывателя правой фары. При таких обстоятельствах вывод о том, что причиненный ущерб является значительным, противоречит, как указала вышестоящая инстанция, фактически установленным в судебном заседании обстоятельствам¹³⁹.

Аналогичное решение принято по другому делу со ссылкой на то, что «с учетом материального положения потерпевшего и стоимости поврежденной автомашины (страховая сумма 554 312 рублей), заработной платы потерпевшего по основному месту работы в размере 25 000 рублей в месяц и дополнительного заработка, дохода потерпевшего в месяц 40 000 - 50 000 рублей, а также размера ущерба в сумме 17 700 рублей 64 копейки, который в полном объеме возмещен страховой компанией, суд правильно пришел к выводу, что причиненный ущерб потерпевшему не является

¹³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 г. №14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №8. 2002.

¹³⁹ Постановление президиума Верховного суда Республики Коми от 25.12.2013 г. №44у-200 // Документ официально опубликован не бы. СПС «Консультант плюс».

значительным, в связи с чем в действиях П. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 167 УК РФ»¹⁴⁰.

Причинение ущерба уничтожением либо повреждением застрахованного имущества не превращает страховую организацию в потерпевшего, иначе бы практически никогда причиненный ущерб не мог бы быть расценен как значительный для этой организации: «Заявление осужденного о том, что ущерб был причинен не потерпевшему, а страховой компании, которой автомобиль потерпевшего был застрахован, не подтверждается материалами уголовного дела и не влияет на обоснованность выводов суда о доказанности вины М.А. и на правильность квалификации его действий. Собственником автомобиля является потерпевший, возможное наличие у него гражданско-правовых отношений со страховой организацией не является основанием для вывода о том, что преступлением ему не был причинен материальный ущерб»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Определение Московского городского суда от 15.06.2011 г. по делу №22-8156 // Документ официально опубликован не бы. СПС «Консультант плюс».

¹⁴¹ Определение Ленинградского областного суда от 14.07.2010 г. №22-1047/2010 // Документ официально опубликован не бы. СПС «Консультант плюс».

Заключение

В результате проведённого в рамках магистерской диссертации исследования проблем квалификации преступлений против собственности, мы можем сформулировать ряд выводов и предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Анализ элементов состава преступлений против собственности позволяет сделать вывод о том, что для данной категории преступных деяний обязательным является наличие предмета преступного посягательства. В качестве такового, в соответствии с законом, можно рассматривать какое-либо имущество.

Предмет преступления при совершении мошенничества обладает определённой спецификой, понимание которой необходимо для правильной квалификации деяния и отграничения его от смежных составов преступлений.

Предметом мошенничества может выступать как само имущество, так и право на него. Относительно недавно выделенные из общей категории мошенничества отдельные его виды, сформулированные законодателем в ст. 159.1-159.6 УК РФ, предполагают определённую специфику предмета посягательства.

При мошенничестве в сфере кредитования, предметом посягательства выступают кредитные денежные средства; при мошенничестве при получении выплат предметом являются соответствующие социальные выплаты в виде пособий, компенсаций, субсидий и т.д.; при мошенничестве с использованием платёжных карт предметом являются безналичные денежные средства, находящиеся на счёте; при мошенничестве в сфере страхования – страховая выплата и т.д.

В ряде случаев ошибки правоприменения при квалификации специальных видов мошенничества связаны с недостатками юридической техники, допущенными при создании самих специальных норм, а также ошибочным пониманием предмета преступлений против собственности правоприменителем. При этом, многие авторы подчёркивают неоднозначность толкования предмета подобных посягательств и необходимость его большей конкретизации в рамках действующего УК РФ в целях устранения двоякого толкования.

Основным критерием разделения хищений, как основной группы преступлений против собственности, на отдельные формы, является такой элемент объективной стороны преступления, как способ его совершения.

Ряд проблем в толковании имеет специфический способ совершения хищения в форме мошенничества – обман, или злоупотребление доверием.

Обман представляет собой намеренное искажение или сокрытие истины о неких фактах в целях введения в заблуждение другого человека. Мошенничество совершается, как правило, путём активных действий, но законодательство не исключает и пассивную форму совершения данного преступления. Это возникает, как правило, при стечении обстоятельств, не зависящих от виновного, которые и вызывают внезапную его решимость на совершение преступления (например, умолчание лица о факте получения им денег сверх начисленной заработной платы или по ошибке кассира).

Относительно второго нормативно указанного способа совершения мошенничества – злоупотребления доверия, в литературе высказываются суждения о том, что этот способ в чистом виде практически не используется, будучи применяемым виновными наряду с обманом. поскольку виновное лицо проявляет стремление получить доверие потерпевшего, чтобы облегчить совершение обмана. Обман в ряде ситуаций вообще не мог бы быть реализован, если бы жертва не испытывал определенного доверия к виновному. По этой причине обман и злоупотребление доверием в составе мошеннического способа совершения хищения взаимно переплетены.

Конкретных способов совершения мошенничества весьма много. Некоторые из разновидностей мошенничества законодатель решил сформулировать в виде специальных составов. Некоторые авторы, критически относятся к этому шагу, полагая, что законодатель допускает тем самым казуистику, от которой наоборот стоило бы максимально отходить. С другой стороны, данный подход позволяет учесть специфику каждого из видов мошеннического посягательства и максимально дифференцировать ответственность.

Важным также представляется правильное толкование содержания таких способов совершения преступлений против собственности, как присвоение и растрата. Присвоением является противоправное удержание (невозвращение) чужого имущества, которое было вверено виновному для определенных целей. Растратой является отчуждение вверенного виновному имущества или его фактическое потребление.

Сущность присвоения или растраты составляет то, что виновный злоупотребляет доверием собственника, передавшего имущество, используя при этом имеющиеся полномочия в отношении данного имущества. В данном контексте бывает сложно разграничить присвоение или растрату и мошенничество.

Возникает вопрос: как разграничить содержательную сторону способа, используемого при мошенничестве, путём злоупотребления доверия и присвоения (растраты)? Ответ на поставленную проблему находится в плоскости неправомерного использования виновным своих полномочий, поскольку, производя присвоение имущества, переданного собственником, данный субъект уже злоупотребляет оказанным ему доверием.

Но для правильной квалификации важно установить, что находится в основе способа действия виновного. Если виновное лицо завладевает вверенным ему имуществом, используя для этого предоставленные полномочия, то будет иметь место состав присвоения имущества. Когда субъект преступления завладевает переданным ему имуществом без особых

полномочий в отношении данного имущества, основываясь на тех отношениях, которые сложились между ним и собственником имущества, то будет иметь место мошенничество, совершённое посредством злоупотребления доверием.

Подавляющее большинство преступлений против собственности совершаются с прямым умыслом (только ст. 168 УК РФ предполагает вину в форме неосторожности при уничтожении или повреждении имущества) и корыстной целью, которые должны сформироваться у субъекта до начала выполнения им преступного деяния.

Корыстная цель – один из обязательных признаков хищения вообще, и один из ключевых признаков субъективной стороны хищения. Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных указанной теме, на практике возникают многочисленные вопросы.

В науке существует несколько подходов в понимании корыстной цели – от самого узкого, который сводится к удовлетворению виновным своей личной выгоды, до самого широкого, предполагающего толкование корысти в качестве противоречащего праву получению имущественной выгоды любыми лицами. В настоящее время именно такой подход нашёл отражение в новом Постановлении Пленума ВС РФ. Представляется, что широкое толкование более приемлемо, так как облегчает правоприменителю возможность привлекать виновных к ответственности. В действительности не должно иметь значения для квалификации, кем именно преступнику доводится лицо (лица), которому (которым) он передаёт похищенное имущество.

В правоприменительной практике возникает множество проблем, связанных с правильной квалификацией преступлений против собственности и отграничения данных преступных посягательств от иных уголовно-наказуемых деяний, а также друг от друга.

Одна из таких проблем - разграничение кражи и находки. Представляется, что существующая в науке позиция, в соответствии с

которой есть законные основания привлекать лицо, присвоившее находку к уголовной ответственности за кражу, ошибочна. При этом, не имеет никакого значения, где была утрачена вещь собственником. Во всех случаях, как обоснованно считают некоторые учёные, речь идет именно о нарушении правил обращения с находкой.

Дело в том, что выбывшая из владения собственника (иного законного владельца) вещь перестает быть «чужой» применительно к понятию хищения.

При этом основным критерием (внешним проявлением деяния) для разграничения находки и кражи является элемент, связанный с выбыванием имущества из обладания законного владельца. То есть, если лицо не приняло никаких активных действий для утраты вещи собственником (законным владельцем), а лишь присвоило себе потерянную (забытую и т.п.) вещь, то такие действия не преступны.

При этом следует иметь в виду, что присвоение оставленной, а не утерянной или забытой вещи является хищением. Разграничение между оставленной и утраченной (забытой) вещью заключается именно в элементе, связанном с выбытием имущества из обладания собственника.

Следует согласиться с высказанной в науке точкой зрения, в соответствии с которой Пленуму Верховного Суда РФ стоило бы более чётко охарактеризовать признаки обмана при совершении мошенничества. Представляется, что весьма важным для определения обмана как способа совершения хищения в форме мошенничества является установление факта нахождения лица в состоянии заблуждения, передавая имущество преступнику.

Думается, что повышению эффективности правоприменительной практике, связанной с квалификацией деяний, как мошенничеств, будет способствовать дополнение п. 2 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнительным текстом следующего содержания: «Обман или

злоупотребление доверием при мошенничестве применяются виновным лицом с целью вызвать у потерпевшего уверенность в выгоды или обязанности передачи ему имущества или права на него».

Представляется, что стоит конкретизировать проблему отчуждения имущества при совершении хищения в пользу организации. Применять в данном контексте можно следующие правила квалификации хищений имущества в пользу юридического лица:

а) если виновный производит отчуждение имущества (или завладевает имуществом) в пользу юридического лица, участником которого он является или в судьбе которого прямо заинтересован, то хищение будет иметь место;

б) виновный производит отчуждение имущества (или завладевает имуществом) в пользу юридического лица исходя из интересов карьеризма, скрыть свою некомпетентность, улучшить работу предприятия и т.д.), то состава хищения не будет, а преступление должно быть квалифицировано в зависимости от фактических обстоятельств деяния по ст. 165, ст. 285 УК РФ. Сказанное применимо к любой ненасильственной форме хищения.

Обсуждаемым в науке является вопрос, связанный с проблемами квалификации действий лица при осуществлении мошеннического присвоения материальных ценностей посредством оказания магических услуг, гадания и ворожбы. Данный вид мошенничества по-прежнему актуален. Здесь необходимо учитывать, что само оказание подобных услуг, связанных с предсказанием судьбы и взимание за это оплаты не является преступным и наказуемым. Представляется, что не образует состав мошенничества получение денежных средств в том случае, когда лицо расплачивается за процедуру гадания, как за услугу. Однако, когда для совершения обряда ворожбы с лица истребуется некое ценное имущество, без которого, якобы невозможен положительный исход гадания, а затем они похищаются «божественным» лицом, то криминальные характер ворожбы несомненны.

В ряде ситуаций лицо, используя обман, значительно выходит за рамки первоначальной договоренности о стоимости «сеанса», оказывая на потерпевшего активное психологическое воздействие, предвещая, к примеру, гибель ему и его близким в случае отказа передать за услугу гадания соответствующей оплаты. Данный способ наиболее характерен для совершения такого рода мошенничества цыганами. Степень психологического воздействия в некоторых случаях столь велика, что потерпевший, выполняет требование мошенника, не осознавая себя и не помня в дальнейшем самого факта передачи денег или иных ценностей.

По мнению некоторых авторов, при экспертном заключении о наличии подобного воздействия на жертву преступления, можно ставить вопрос о квалификации деяния, как открытого и насильственного завладения имуществом, хотя и данная квалификация и не является безупречной во всех отношениях.

Сложным в правоприменительной деятельности является и вопрос о правовой оценке деяний, одновременно подпадающих под признаки нескольких видов мошенничества.

В настоящее время требуется выработка единого подхода к квалификации вымогательства, осуществляемого под угрозой распространения сведений о совершенном лицом аморальном либо противоправном поступке.

В целях закрепления единообразного применения уголовного законодательства считаем необходимым закрепить на уровне руководящих разъяснений Пленума ВС РФ следующее правило: «Требование передачи имущества, подкрепленное угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, даже сопровождающееся обманом относительно субъекта требования, юридической либо общественной оценки ранее совершенного потерпевшим поступка и других обстоятельств, должно квалифицироваться как вымогательство».

Кроме того, в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ №56 следует уточнить, что к сведениям, позорящим потерпевшего или его близких, следует относить, наряду с данными о совершении правонарушения, аморального поступка, также и сведения о совершенном преступлении.

Формирование подобной практики позволит адекватно оценивать характер и степень общественной опасности совершенного деяния, противодействовать латентности преступлений и будет способствовать проявлению нетерпимости к случаям сокрытия информации о совершаемых преступлениях и подчеркивать выгодность правопослушного поведения.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что законодателю необходимо осуществлять постоянное совершенствование нормативной регламентации соответствующих статей УК РФ, посвящённых преступлениям против собственности, а также вносить соответствующие уточнения в правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, касающиеся преступлений против собственности, для корректировки практики деятельности судов при рассмотрении уголовных дел обозначенной категории.

Список используемой литературы и источников

1. Правовые акты

1. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (вместе с «Протоколом [№1]») (Подписан в г. Париже 20.03.1952 г.), «Протоколом №4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963 г.), «Протоколом №7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.) // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 01.07.1994 г. №10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 1994. №10. Ст. 1109.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. №197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 3.
8. Постановление Правительства РФ от 22.03.2014 г. №221 «О внесении изменений в постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. №1090» // СЗ РФ. 2014. №14. Ст. 1625.

9. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. №1090 «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. №47. Ст. 4531.
10. «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. №41. Ст. 617.
11. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. №40. Ст. 591.
12. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. №62. Ст. 360.
13. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. №80. Ст. 600.
14. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. №15. Ст. 153.
15. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.06.1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» // СУ РСФСР. 1921. №49. Ст. 262.
16. Декрет СНК РСФСР от 21.10.1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 - 1952 гг.). - М., 1953.

17. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. №4. Ст. 50.
18. Уголовное уложение 1903 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – СПб., 1999.
19. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Отечественное законодательство XI – XX веков. Ч. 1. XI – XIX века. – М., 1999.
20. Артикул воинский и Морской устав // Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. - М, 1986.
21. Русская Правда // Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. – М., 1998.
22. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. – М., 1985.
23. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985.
24. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985.
25. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. №787-IQ // URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353
26. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 г. Перевод с китайского. – М., 2014.
27. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. №275-3 // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984
28. Уголовный кодекс Франции от 22.07.1992 г. Перевод с французского. - СПб., 2002.
29. Уголовный кодекс ФРГ от 15.05.1871 г. Перевод с немецкого. – СПб., 2003.

30. Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 г. Перевод с немецкого. – СПб., 2002.

2. Специальная литература

1. Абдрахманова Г.Т. Вопросы социально-экономического характера конституционного закрепления права собственности // Проблемы права. 2010. №1. - С. 93-95.
2. Агджаев Э.М. Цели преступления: уголовно-правовой и криминологический аспект // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию ЮФ РГУ им. С.А. Есенина 4 ноября 2013 года. Вып. 2. - Рязань, 2013. - С. 340-345.
3. Аистова Л.С. Незаконное предпринимательство. – СПб., 2002. - С. 220-225.
4. Ахмедов Р.У. Оценочные признаки хищения и его форм в уголовном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2013. – 23 с.
5. Багаутдинов Ф.Н., Валиуллин Л.Ф. Кража или находка - проблемы разграничения // Законность. 2017. №6. - С. 45-47.
6. Бакрадзе А.А. О предмете хищения // Российский следователь. 2008. №22. - С. 6-11.
7. Бакрадзе А.А. Присвоение и растрата - преступления, подрывающие оказанное доверие. - М.: Академия экономической безопасности МВД РФ, 2007. – 159 с.
8. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. - Самара: Самарский университет, 2002. – 218 с.
9. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. – 451 с.

10. Болдырев В.А., Вишнякова Н.В., Кузнецов А.А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2015. №3. - С. 110-114.
11. Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество: вопросы квалификации. – М., 1971. – 189 с.
12. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. – 27 с.
13. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 256 с.
14. Веснин В.Р. Собственность с позиции единства правового и экономического подходов // Вопросы экономики и права. 2014. №1. - С. 17-22.
15. Ворошилин Е.В. Ответственность за мошенничество. Статья 147 УК РСФСР: Учебное пособие. - М.: РИО ВЮЗИ, 1980. – 115 с.
16. Гайфуллин А.Н., Мешков М.В. Доказывание мотива преступления и проблемы уголовно-правового регулирования // Мировой судья. 2015. №3. - С. 14-16.
17. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. - М., 2001. – 487 с.
18. Долинин В.Н., Рачев Н.В. Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности: учеб.-метод. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России. 2002. – 219 с.
19. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. - Томск, 2000. – 490 с.
20. Епихин А.Ю. Уголовно-правовые аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // Современное право. 2013. №10. - С. 131-135.

21. Зрилова Е.С. Правовые институты регулирования экономических отношений собственности // Право и экономика. 2010. №2. - С. 31-33.
22. Карпунина И.В. Владение как правомочие собственности и его содержание // Место и роль юридической науки в модернизации экономики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - Чебоксары, 2010. - С. 275-280.
23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2013. – 1069 с.
24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко. - М.: НОРМА, 2005. – 704 с.
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. - М.: Юрайт, 2017. – 371 с.
26. Кочои С.М. Преступления против собственности (комментарий главы 21 УК РФ). - М.: Проспект, 2001. – 369 с.
27. Кочои С.М. Преступления против собственности: учебное пособие для магистрантов. – М.: Проспект, 2014. – 486 с.
28. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. - М., 1977. – 167 с.
29. Крылова Н.Е. Основные черты Уголовного кодекса Франции. – М., 1996. – 81 с.
30. Крюков А.А., Перетяцько М.Н. Некоторые вопросы квалификации вымогательства // Сибирский юридический вестник. 2000. №2. - С. 31-33.
31. Курбанова Д.Н. Финансовые пирамиды как вид мошенничества. // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып. 2. - Махачкала, 2013. - С. 135-137.
32. Лопатина Т.М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж // Журнал российского права. 2015. №1. - С. 116-119.

33. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к Уголовному закону (Раздел VIII УК РФ) (постатейный). – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
34. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. - М.: ЛексЭст, 2005. – 581 с.
35. Лукинов А.С., Малявкин К.О. Кража или находка - трудности и заблуждения // Законность. 2017. №10. - С. 41-45.
36. Медведев С.С. Общественная опасность мошенничества в сфере высоких технологий как основание его криминализации // Общество и право. 2008. №3. - С. 21-28.
37. Молев Г.И. История становления уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Концепт. 2014. №27. - С. 2-4.
38. Мусаев Ф.А., Федоренко П.К. Дифференциация ответственности за преступления против собственности в истории законодательства России до 1917 // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Сборник научных статей. Вып. 2. - Ярославль, 2007. - С. 97-100.
39. Николаев К.Д. Ответственность за хищения при отягчающих обстоятельствах по Уголовному кодексу Швейцарии и Уголовному кодексу Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения. Материалы международной научно-практической конференции (г. Омск, 14 февраля 2008 г.) - Омск, 2008. - С. 103-108.
40. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1987. – 1027 с.
41. Осокин Р.Б. Опыт уголовно-правового противодействия преступлениям против общественной собственности в Великобритании // Общественная безопасность как уголовно-

- правовая и криминологическая категория: материалы
Международной научно-практической конференции. - Тамбов:
Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. - С. 145-149.
42. Павловских Д.В. Конституционное право на частную собственность:
понятие, гарантии // Конституция Российской Федерации: 20 лет на
страже конституционных прав и свобод граждан: Международная
научно-практическая конференция. Санкт-Петербург, 12-13 декабря
2013 г. - СПб., 2013. - С. 158-163.
43. Петров С.А. Корыстная цель в хищениях // Законность. 2017. №9. -
С. 13-16.
44. Петров С.А. Хищение чужого имущества или приобретение права на
него путем обмана: уголовно-правовая оценка и совершенствование
правовой регламентации: Дис. ... канд. юрид. наук. - Калининград,
2015. – 159 с.
45. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против
собственности. – СПб.: ЮЦ Пресс, 2003. – 320 с.
46. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против
собственности: криминологическая и правовая обоснованность. –
СПб., 2003. – 390 с.
47. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской
Федерации / под ред. Н.А. Громова. – М.: ГроссМедиа, 2007. – 795 с.
48. Рогов В.А. Уголовное право и карательная политика в Русском
государстве XV–XVII вв. – М., 1990. – 415 с.
49. Рыбакова Е.Ф. Преступления в сфере экономической деятельности,
как деяния, посягающие на собственность (классификация и
юридический анализ) // Пробелы в российском законодательстве.
2011. №4. - С. 130-135.
50. Сабитов Р.А. Обман как средство совершения преступления. - Омск.
1989. – 88 с.

51. Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения. – М.: Статут, 2014. – 158 с.
52. Севрюков А.П. Признаки специального субъекта присвоения и растраты // Российский следователь. 2010. №6. - С. 21-24.
53. Селедникова О.Н. Понятие, содержание и конституционно-правовые основы защиты права собственности в уголовном судопроизводстве: Монография. - Брянск: Ладомир, 2012. – 223 с.
54. Сердюк П.Л. К вопросу о понятии предмета хищения при мошенничестве // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы V Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 25-26 апреля 2013 года: в VI ч. Ч. IV. - Уфа, 2013. - С. 55-57.
55. Сидоренко Э.Л. Некоторые вопросы квалификации хищений в свете последних изменений УК РФ // Мировой судья. 2017. №3. - С. 22-25.
56. Тагиев Т.Р. Шантаж как способ совершения вымогательских действий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. №11. - С. 63-66.
57. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. – М.: РИОР, ИНФРА-М, 2015. – 695 с.
58. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата: в 2 т. Т. 1: Преступления против личности. Преступления в сфере экономики / под ред. О. С. Капинус. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 345 с.
59. Уголовное право России. Части общая и особенная» / под ред. Рарога А.И. – М.: ТК Велби, Изд. Проспект, 2007. – 851 с.
60. Уголовное право. Общая часть / Под ред. Рарога А.И.- М., 2000. – 439 с.

61. Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 1999. – 22 с.
62. Хилюта В.В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. 2015. №5. - С. 125-128.
63. Чиркова Ю.Б. Исторический аспект наказания за преступления против собственности // Молодежь, наука и цивилизация. Межвузовский сборник тезисов докладов адъюнктов (аспирантов), курсантов, слушателей и студентов: В 2-х частях. Ч. 1: Вып. 7. - Красноярск, 2004. - С. 125-129.
64. Шаповалова Е.Г. О некоторых проблемах квалификации мошенничества // Современные проблемы юридической науки: Материалы VII Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 5-6 мая 2011 г.). В 2-х ч. Ч. II. - Челябинск, 2011. - С. 192-195.
65. Шестеро А.А. Воинский Артикул 1715 г. как памятник российского уголовного права // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных работ профессорско-преподавательского состава, членов студенческого научного общества при кафедре теории и истории государства и права. Вып. 3. - М., 2014. - С. 38-40.
66. Щербаков В.П. Уголовная ответственность за хищения в законодательстве зарубежных государств: вопросы уголовно-правовой теории и проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2017. №4. - С. 151-155.
67. Яни П.С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. 2015. №11. - С. 39-45.

68. Яни П.С. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Законность. 2017. №11. - С. 36-38.

3. Материалы юридической практики

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 г. №32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СЗ РФ. 2014. №52 (часть I). Ст. 7784.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. №8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Рос. газ. 2008. 7 июня.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 г. №14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №8. 2002.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2009.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. №48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №1, январь, 2017.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №3, 1997.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2016.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. №21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №12, декабрь, 2012.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №2.
10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2001 г. №1039п2000 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
11. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.04.2017 г. №75-УД17-2 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2008 г. №81-Д08-8 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2005 г. №51-Д05-33 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
14. Обзор законодательной и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2005 года // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

15. Определение Ленинградского областного суда от 14.07.2010 г. №22-1047/2010 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
16. Определение Московского городского суда от 15.06.2011 г. по делу №22-8156 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
17. Апелляционное постановление Мосгорсуда от 16.07.2014 г. по делу №10-9568/14 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
18. Постановление президиума Верховного суда Республики Коми от 25.12.2013 г. №44у-200 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
19. Уголовное дело №1-19/2017 // Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти за 2017 год.
20. Уголовное дело №1-11/2013 // Архив Самарского гарнизонного военного суда за 2013 год.
21. Справка о результатах обобщения судебной практики по уголовным делам, связанных с хищением нефтепродуктов, рассмотренных судами Самарской области в 2014 году. // СПС «Консультант плюс».
22. Материалы правоприменительной практики УМВД России по г. Тольятти

4. Электронные источники

1. <https://sledcomrf.ru/news/73097-predstaviteli-odnogo-iz-internetsaytov.html>

5. Источники на английском языке

1. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010.
2. John P. Punishment Decisions at Conviction. New York, 2005.

3. Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015.
4. William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.
5. Youngjae Lee. Reasonable Doubt and Moral Elements // Journal of Criminal Law and Criminology. Winter 2015